

ЭПОХА МЕРТВЫХ

ГАЛИНА ГРОМОВА

БУХТА НАДЕЖДЫ

ЗАДАЧА – ВЫЖИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Громова

Бухта надежды. Задача – выжить

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Громова Г. А.

Бухта надежды. Задача – выжить / Г. А. Громова — «ЛитРес: Самиздат», 2013

В белокаменный город, переживший две героические обороны, пришла Беда, охватившая в одночасье весь мир и ставшая причиной гибели нашей цивилизации в том виде, в котором мы ее знали. Ожившие мертвецы, беспрерывно жаждая плоти, бродят по улицам города, сея разруху и смерть и приводя в ужас тех, кто остался в живых. Три героя, три судьбы и три выбранных дороги. Для каждого из них все началось по-своему, и каждому из них наступившая эпоха принесет свое. Ведь новая эпоха - это эпоха мертвых. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Галина Громова

Бухта надежды. Задача – выжить

21 марта. 7-40. Железнодорожный вокзал.

Электричка, на удивление, пришла вовремя. Не то, чтобы она всегда опаздывала, но для русского человека приход или отправление любого вида транспорта в заявленное администрацией или расписанием время уже как мини-праздник.

Несколько пассажиров, ожидающие посадку на Симферополь, лениво проводили ее взглядами и вернулись к своим делам – кто-то спорил, кто-то просто стоял и курил, а некоторые и вовсе спали, развалившись на лавке. Торопиться было некуда – пока народ лениво выползет из электропоезда, пока то-се... да и по расписанию отправление только через полчаса.

Машинист электропоезда постепенно снижал скорость состава, а вскоре совсем остановил его. Двери прибывшей электрички открылись, но почему-то никто не спешил выходить. Подметающая перрон бабуля-дворничиха в теплой тужурке и одетом поверх нее едко-оранжевом жилете, остановилась и с интересом заглянула в открытые двери.

– И чего там торчать-то? – проворчала она, заметив сквозь не шибко чистое окно несколько стоящих фигур в вагоне. – Иль особое приглашение надо?

Марья Петровна была старушкой деятельной, иногда даже чересчур. В молодости, будучи коммунисткой-активисткой, всегда принимала непосредственное участие в судьбе трудового коллектива Севастопольского морского завода. Ее выдвинули, так сказать, на общественные начала, а потом никак не могли задвинуть, пока завод окончательно не развалился в «лихие 90-е».

Поэтому заметив непорядок, Марья Петровна, ни секунды не задумываясь, отложила метлу и, крихтя, забралась в вагон, чтобы придать ускорения зазевавшимся пассажирам, как частенько поступала с заснувшими на вокзальных лавочках бомжами, умело орудуя метлой. На полу в тамбуре были бурые разводы, которые послужили лишним поводом для бурчания пожилой дворничихи, чье настроение и так оставляло желать лучшего.

– Вечно так... все позасирают, а ты убирай. – Бабулька возмущенно засопела и открыла двери в вагон. – Эй вы! Конечная! На выход!

Пассажиры отреагировали вяло. Ближайший стоящий возле горы сумок длинноволосый как девка парень в драных джинсах медленно повернул голову и у Марьи Петровны душа ушла в пятки от увиденного...

Последнее, что она увидела – это ощеренный рот, перепачканный запекшейся кровью.

8-00

Андрей Доронин, бывший капитан – пограничник ВС Украины, ныне сотрудник агентства безопасности «Сапсан»

Андрея разбудил знакомый сигнал входящего сообщения аськи. Вчера он засиделся за компьютером – новомодная стрелялка затянула так, что спать удалось лечь только около трех часов ночи. А сам компьютер отключать не стал – скачивал фильм с сервера, чтобы потом в свой законный выходной под пивко с рыбкой или вредными для желудка чипсами посмотреть в гордом одиночестве – с подружкой он недавно расстался по обоюдному согласию. Так что все прошло, на удивление, тихо и без скандалов, хотя иногда не хватало теплого тела под боком.

Хоть сегодня и был его законный выходной, Андрей не стал валяться в кровати. Мужчина привычно потянулся и, как обычно, почесывая причинное место, первым делом пошле-

пал голыми ногами в туалет. После исполнения священного ритуала зашел уже на кухню, тут же цапнув со стола пачку сигарет, зажег конфорку и прикурил одну сигарету, ожидая наполнения чайника. Пепельницы не было, но ее заменила пустая консервная банка от съеденных вчера бычков в томате. В воздухе закружился сигаретный дым.

Огонь весело запылал под металлическим днищем чайника. Пока вода закипала, мужчина сделал себе несколько бутербродов с колбасой и засыпал заварку в чашку. Он не признавал чая в пакетиках, отождествляя его вкусовые качества с соломой а-ля «матрац моей бабушки». Да и сам чай мужчина любил крепкий, душистый, желательный с мятой... но если ее не оказывалось в запасах, то и лимончик сгодится с сахарком.

Жил Андрей на окраине города – дальше были только море и Турция. Двушку в переделанной под жилой дом казарме получил отец парня, тогда еще полковник Военно-морских Сил Украины. Но буквально через год он вместе со второй женой (мать Андрея умерла, когда ему было 15 лет) попал в аварию и скончался. Тогда погибло 7 человек – фура выскочила на встречную полосу и врезалась в микроавтобус, а тот, в свою очередь, отлетев как игрушечная машинка, протаранил «копейку» отца.

Вот и этот дом, где отец получил квартиру, находился на самой западной точке Севастополя – мысе Херсонес. Именно туда в 42 году отходили остатки Красной Армии и защитники города в надежде сесть на корабль, идущий на Большую землю. И именно там они погибали, принимая последний, неравный бой с фашистами, буквально вгрызаясь в глинисто-каменистую почву Мыса. Историческое место...

А теперь здесь располагались 4 войсковые части – две украинские и две российские, не считая часть Морской пехоты РФ в Казачьей бухте – в двух километрах ниже по дороге. Хотя от украинский частей осталось фактически только название.

Помимо бетонных заборов с колючкой и казармами за ними, здесь был еще один магазинчик с гордым библейским названием «Ковчег», вмещающим в себя весь ассортимент продуктов, необходимых, чтобы не помереть с голоду. Он, как и его прототип после Потопа, был единственным признаком цивилизации. Да и на этом все, пожалуй...

Чтобы уехать отсюда в сторону маломальской обжитой части города нужно было 20 минут протопать ножками до поворота на Казачку¹, где можно было не всегда успешно сесть на маршрутку или автобус – по утрам народу было в транспорте как в душегубке. В обратном направлении так же – только шагать приходилось в горку. Именно поэтому пока был жив отец, Андрей предпочитал снимать квартиру в городе, да и с мачехой у них не очень-то заладилось, хотя теперь мужчина понимал, что в принципе она была неплохой спутницей для отца с его-то специфическим характером, помноженным на армейское прошлое. Но, как говорится, если бы у бабушки был хрен – была б она дедушкой. А после похорон, переезд все же состоялся, о чем Доронин ни разу не пожалел. К тому же где-то с полгода назад он приобрел себе подержанный Ниссан Патфайндер 97 года выпуска темно-болотного цвета с вместительным багажником и полным приводом. Жрал он, конечно, как волкодав, но оно того стоило.

Здесь был совсем другой воздух, чем в городе – чистый, наполненный морскими брызгами, запахом хвои и можжевельника, обильно росшего вдоль небольшой бухточки, что на картах значилась как «Соленая», клином входящей в землю Мыса. Ни шума машин, ни гопоты, ни пьяных разборок, ни «писарей» под окнами по ночам – разве что только ровно в 21.00 солдаты из части напротив, где располагалась техника морской пехоты, на вечерней прогулке горланили песни, но это никоим образом не мешало Андрею, привыкшему к армейским будням. Иногда он ловил себя на том, что прислушивался к «репертуару», который исполняли вояки, что украинской, что российской частей – и сравнивал.

¹ Казачка – бывший военный городок, построенный возле военной части Морской пехоты РФ и в дальнейшем разросшийся до небольшого микрорайона на берегу Казачьей бухты г. Севастополя.

Сообщение было от Костика – сослуживца Андрея. Когда-то они служили вместе в пограничных войсках и после увольнения капитана периодически переписывались и встречались за рюмочкой чая.

«Глянь ссылку» – гласило сообщение возле ссылки на ю-туб.

Андрей кликнул мышкой и отлучился на кухню залить заварку кипятком. Пока чай заваривался, видео заэкширировалось, и мужчина смог просмотреть его без запинок. На видео было мало чего понятного – изображение постоянно дергалось, да и качество хромало на обе ноги, к тому же отсутствовал звук. Видео запечатлело как проезжающее авто сбило пешехода, нелепо ковыляющего прямо посреди улицы. «Бухой что ли?» – недоуменно подумал Андрей и мысленно обматерил Костика.

– Тоже мне, блин, попали яйца в пилораму, чтобы из-за этой хрени меня будить. Мало ему начальника части, так он еще и чернухой балуется. Пролетев через лобовое стекло, человек тряпичной куклой упал на тротуар. Андрей поморщился, и хотел было выключить видео, как его внимание привлек тот факт, что пострадавший начал подниматься. Хоть и неуклюже, качаясь, но вставать. При этом припадая на одну ногу.

– Ха! Подфартило чуваку! Что тут скажешь. Так шандарахнуть и еще после этого встать на ноги. Недаром говорят, что везет дуракам и пьяницам. А уж этого добра у нас на сто лет вперед припасено.

Камера максимально увеличила картинку, сфокусировав изображение на поднявшемся мужчине. И все бы ничего, но у дядьки был явно выраженный перелом голени – уж торчащая кость не ускользнула от Андрея, но мужик шел как ни в чем не бывало, «с поправкой на ветер» конечно, в смысле хромал нещадно.

Что за х...рень? – мотнул головой он, при этом обжегшись горячим чаем. Андрей нажал на паузу, подул на то место, куда ляпнул горячий напиток и постарался получше рассмотреть сбитого мужчину, но из-за ужасного качества изображения это было очень трудно сделать.

Аська снова кукукнула входящим сообщением. Костик. Интересовался впечатлениями от увиденного.

Kastet : «Ну как тебе?»

Roor: «Что за нах?»

Kastet: «Кореш из Нерезиновой прислал»

Roor: «Слуш, у меня глюки или у мужика кусок кости из ноги торчит, а ему хоть бы хны?»

Kastet: «А фиг его знает, качество говеное»

Roor: «А ты чего не на службе?»

К слову сказать, Костик продолжал служить, не смотря на орден «Святого Ебукентия» и двух орденов «Хрена лысого», а по научному «сувору подяку»² и две «доганы»³ в карточке взысканий и поощрений. Просто командир части не мог себе позволить разбрасываться такими кадрами, так как в связи с «щедрыми» зарплатами, которые позволяли прожить аж целую неделю, народ массово увольнялся, пытаясь найти счастья на гражданке. А прапорщик Матвеев был тот еще кадр, прекрасно знавший свою незаменимость и беззастенчиво пользовавшийся этим. Ну а зачем быть скромным гением?

Kastet: «Чего это? Я на службе»

Roor: «А аська откуда?»

Kastet: «Да вот, родное начальство расщедрилось. Теперь мы тоже модные перцы. С интернетом. Офицеры последнюю неделю ходят один другого довольнее – АлАлыча не видно и не слышно. Осваивает...»

² Сувору подяка – укр. – строгая благодарность (жаргонизм, в переводе на человеческий – строгий выговор)

³ Догана – укр. – выговор

Александр Александрович, он же АлАлыч – начальник отдела пограничной службы, где раньше служил Андрей, был дядька суровый, упрямый и вспыльчивый. К тому же обладал таким качеством как вредность и въедливость – его окружение просто вешалось и молилось, чтобы родное Министерство Обороны перевело того куда подальше. Но к глубокому огорчению личного состава Министерство не торопилось – то ли мест не было, то ли кандидатов с такими характеристиками завалишь.

Собственно из-за непримиримости взглядов Андрею и пришлось уволиться из Вооруженных сил, хотя мог перевестись и в другой отдел или подразделение – тогда многие так делали. Но вся эта военщина так засела у него в печенках, что он предпочел устраивать свое будущее на гражданке.

Kastet: «Я убог, АлАлыч вызывает – видать опять комп глючит или эксплорер тормозит, или не дай Касперский вирусню подцепил. Я с ним себя как венеролог чувствую – тот тоже разгребает потом чужие вирусы. Про пятницу не забудь!»

Цветочек Костикового контакта перекрасился с зеленого в красный, что значило, что собеседник отключился, а Андрей мысленно пожелал ему успехов и терпения.

Чай уже немного остыл, а желудок дал понять, что, мол, «хозяин, жрать пора».

Утренний ритуал был выдержан от и до – чашка чая, бутеры и новости на СевИнфо – городском форуме, где была зарегистрирована добрая часть населения Севастополя. На этом ресурсе обговаривали сплетни, ругали власть, делились новостями, спрашивали совета, покупали и продавали все, что только можно было продать... а иногда и то, что нельзя. В общем – севастопольский форум был неотъемлемой частью жизни города, а его отключение было равносильно второму пришествию или началу Армагеддона. Доронин с улыбкой вспомнил, как недавно форум из-за переезда на другие сервера отключили аж на три дня... о-о-ой что тут началось! Ну да ладно!

Новости были типовыми – продукты дорожают, земля возле моря безнаказанно дериванится, продается и застраивается наливайками или жилыми домами, водители ругали пешеходов, а пешеходы водителей, и те, и другие дружно ненавидели собак, а собачники вымещали злость на мамашках и т.д. в общем как любил выражаться Костик «кругом пидорасня и гомо-сятина».

Хотя одна тема заинтересовала Андрея.

– «Амнистия в дурдоме?» – замечательное название... Страниц было уже около десятка, старттопик гласил, что на автора напал бомж. Автор отбил, но бомж, от которого исходил отвратительный запах, все же умудрился грызнуть за руку. Далее все вылилось в переливание из пустого в порожнее и флуд на тему «как страшно жить», а то и обвинения автора во «вбросе» и «самосливе» – автор темы уже минут 30 как не отписывался.

Андрей кликнул курсором мыши по правому верхнему углу экрана, где располагался характерный для «форточек» крестик. Окно закрылось, и мужчина снова вернулся на кухню чтобы, забросив чашку в мойку, выйти на балкон подышать свежeproкурeнным воздухом.

«А красиво здесь все же!» – подумал бывший капитан Доронин, лениво глядя на море, которое окружало мыс с трех сторон. Солнце еще не начало припекать, и в воздухе сквозила прохлада. Район только-только просыпался – потихоньку выезжали на работу местные жители. Ну а те, кому не так повезло с собственным транспортом, занимались утренней зарядкой. А что? Говорят, спортивная ходьба даже полезнее, чем бег – колени не убиваются и толку больше организму.

Вспомнился сразу анекдот:

Просыпаются в постели двое.

– Хорошо-то как, Маша!

– Я не Маша – я Миша!

– Один хрен – хорошо!

9-00. Виктор Никитин, оперуполномоченный, капитан милиции РОУМВД Гагаринского района г. Севастополя.

Рабочий день, как продолжение веселой ночи, тоже начался нескучно.

Не успел Виктор переступить порог дорогого и крайне любимого РО УМВД, как просто кожей ощутил царившую здесь суматоху – будто в другой мир попал. Даже в воздухе чувствовалась тревога, так же как кожей ощущаешь заряженные ионы воздуха перед вот-вот разразившейся грозой.

Телефон дежурного звенел мерзкой трелью, а эфир стоявшей на столе радиостанции был забит криками, мимо, грохоча казенными ботинками, пробежали двое пэпсов. В «обезьяннике» уже было двое граждан неопрятной наружности – один отдыхал на лавке, а второй нервно расхаживал вдоль решетки, то и дело почесывая сальную бороду.

– Привет, Миха, что за переполох? – Спросил Виктор, как только дежурный положил трубку от древнего еще дискового аппарата.

– ЗдорОво! Да дурдом какой-то! – Телефон опять прозвенел и дежурный – капитан Миха Битковский – поднял трубку, а заодно и руку, махая «подожди меня». – Алё. Дежурный. Да... Хорошо. Сохраняйте спокойствие, сейчас вышлем к вам наряд. Диктуйте адрес. – Он торопливо записал адрес и обратный телефон в журнал вызовов и положил трубку. Сейчас приходилось фиксировать и реагировать на каждый вызов – не дай Бог это не горожане звонят, а начальство проверяет. Тогда весело будет всем – анальная боль будет обеспечена всем и каждому. Вот и приходится реагировать на каждую потасовку на улице, вплоть до распивающей на лавочках пиво молодежи. Виктор вспомнил, как один участковый, нынче с чистой совестью уволившийся из органов рассказывал, как одна семейная пара, впадшая в дружный маразм, вызывала его на каждую попытку соседа снизу просверлить дырку в стене. А так как у соседа был ремонт в связи с покупкой квартиры, то участковому приходилось чуть ли не через день мотаться в тот злосчастный дом. Дошло уже до того, что он обошел все три подъезда – один, в котором проживал «возмутитель спокойствия» и два соседних, чтобы от каждой квартиры взять заявление, что, мол, сосед ничем не мешает, а жалобщики – не вполне адекватные люди. – Час назад вызовы посыпались как из прорванного мешка, уже нарядов не хватает – пришлось некоторых оперов да участковых задействовать. А они все звонят и звонят... А помощник мой так и не вышел на смену. Забухал, наверное, скотина... А мне теперь отдуваться.

– Точно, весеннее обострение. – Усмехнулся Виктор, скривившись от очередного звонка – ночью толком поспать не удалось – с соседом обмывали ножки новорожденному сыну. Происходило все это с присущим нашим людям размахом и весельем, поэтому голова просто раскалывалась, а тут еще и резкий звук. – Слушай, а шеф на месте?

– Щас, погодь. – Опять те же фразы и запись в журнале звонков. – Ага, рвет и мечет. Ему уже сверху звонили – грозили всеми карами небесными, если не наведет порядок в районе. А ты что хотел?

– Да отгул взять – нужно поехать кроватку купить, а то послезавтра жену из роддома забирать, а спать мелкому негде. Она мне давно говорила, а я ... ну сам понимаешь, с нашей-то работой...

– Ну ты, брат, даешь! Что ж ты молчал, что папашей стал?

– Да когда тут расскажешь? – усмехнулся Виктор, разведя руки в стороны.

– Ну а малой на тебя хоть похож?

– А что?

– А то. Знаешь, как бабы гвоорят? Ребенок должен быть похож не на папу, а на мужа! – заржал Миха, чуть ли не похрюкивая.

– Да ну тебя!

– Да ладно, не обижайся. – Перестал смеяться дежурный. – Я ж так... не со зла. Ну, так похож?

– Да я его толком-то и не видел. В палату меня не пустили – у меня ФЛЮ не сделано – некогда было, а из окна разве что-то разглядишь. Кулёк какой-то...

– Ну, ты, папаша, даешь! – хмыкнул Миха.

– Миха, так и хочется ответить тебе как по писанному...

– Ну-ка, ну-ка... – с интересом подался вперед Битковский. Опираясь на согнутые в локтях руки.

– Приходи мужик домой после недельного отсутствия. Жена со злостью «Ты где был?!». А мужик так сразу – «В кожно-венерологическом диспансере.» Тетка в недоумении «Ну ты даешь!», а мужик ей отвечает «Это ты даешь, а я лечусь».

– Да уж... Жизненно! – покачал головой Битковский, вздрагивая от очередного звонка.

– Ладно, пошел я к шефу за порцией причитающихся люлей, – махнул собеседнику рукой Никитин, разворачиваясь в направлении коридора, ведущего к святой святых отделения – кабинету шефа и туалету, что располагался чуть дальше по коридору.

Подойдя к нужной двери, мужчина негромко постучался и сразу же зашел.

– Тащ полковник, разрешите?

Начальник РОУМВД полковник милиции Смирнов, до сих пор довольно сдержанно разговаривавший по телефону, зато с характерной мимикой, устало махнул рукой, мол, «присаживайся». Он всегда говорил «присаживайся, сесть всегда успеешь», вот мозг по-другому уже жест и не воспринимал. Судя по всему, разговор происходил с вышестоящим начальством, которое чихвостило полковника «и в хвост и в гриву» – по-другому обычно начальство не умеет. Тот весь раскраснелся – видать давление подскочило, но своих позиций не сдавал, что-то пытался объяснить, но принципа «я – начальник, ты – дурак» еще никто не отменял.

Помнится, работала в отделении молодая лейтенантша – хулиганье всякое малолетнее курировала. Ольга девка была видная – высокая, ноги длинные и грудь размера пятого, а то и шестого, а уж на язык бойкая – палец в рот не клади. Ну, Смирнов ее вызвал на разбор полетов – что-то там ее подопечный учудил – и давай матами крыть против шерсти. Девчонка молчала-молчала, а потом что-то ответила. Что – осталось до сих пор тайной покрытой мраком – сама не признавалась, а шефа-то особо не поспрашиваешь, но Сергей Сергеевич в итоге дико заорал и выставил ее за дверь, а перед тем как филейная часть молодой лейтенантши скрылась в проеме двери, запустил в нее снятой с ноги туфлей. Девушка не растерялась, молча подобрала начальственную туфлю сорок третьего размера и вышла из кабинета – шеф же так и остался сидеть с раскрытым ртом и босой ногой с порванным носком. Это уже Битковский рассказывал – ему вечно везет на веселые дежурства, – он потом бегал, упрасивал строптивцу вернуть туфель его законному обладателю.

К слову сказать, Ольга потом уволилась. Сама. Замуж вышла и укатила к милому куда-то на север.

Писала потом кому-то из дамочек местных, что устроилась работать в тамошний то ли институт, то ли университет секретарем ректора. А что? Стрессоустойчивость у нее после малолеток как у киборга, в случае чего грудью встанет на защиту начальства или же словом осадит не прошеных гостей. Местные женщины потом долго еще рассказывали, как Ольга осадит какого-то мужичка, решившего покачать права. «Ну а что?» – писала она. – «Сидит, ждет своего времени. Я виновата, что ли, что он на полчаса раньше примчался? Сидел-сидел и тут моча ему стрельнула в голову – надменно так интересуется – вы мне ничего не хотите предложить? Я б ему предложила бы пройти по указанному адресу, но остановилась на предложении жениться на мне. Мужик шутку не заценил. Да я и не Петросян!» Как потом оказалось, ректор, не заимевший еще привычки швыряться в нерадивых подчиненных туфлями, только

укоризненно покачал головой и проговорил «Ольга, ну так же нельзя!». Разве что пальчиком не погрозил.

Полковник был пятидесятилетним, седым мужчиной с чисто буденовскими усищами и всегда гладко выбритым подбородком, предпочитающим порядок во всем, что касалось работы. Невысокий, коренастый с небольшим пузиком, выпирающим над брючным ремнем, которое он всегда пытался втянуть, как только в поле его зрения появлялась более-менее симпатичная женщина, и это не смотря на то, что он был глубоко женатым человеком. Он в то же время мог во время вставить крепкое словцо, придавая ускорение или нужный вектор движения своим подчиненным.

– Придурок толстозадый! – в сердцах ругнулся Смирнов, как только бросил трубку, но потом вспомнил про Виктора. – Ты ничего не слышал! Чего пришел? Говори! Только быстро, потому как вызовов навалилось, а свободных людей практически не осталось.

– Да жена у меня родила сегодня ночью, Сергей Сергеич.

– Поздравляю. А кто отец?

– Шеф, очень смешно. – Вскинул брови Виктор. – Оборжаться можно...

– Ладно тебе, Никитин, – примирительно улыбнулся мужчина. – Что, даже пошутить нельзя? Ну, родила жена, а я-то тут при чем? – задал резонный вопрос полковник, взяв со стола лист и внимательно читая текст. Это было одно из качеств начальника – делал всегда несколько дел одновременно, чтобы все успеть.

– Да мне бы отгул, жену навестить.

До этого красное лицо полковника, не успевшего окончательно отойти от выволочки, сделалось и вовсе пунцовым. Приветливость и доброта слетели единым махом. Он рывком подскочил со стула, невольно смяв лист бумаги в руке, да как гаркнул:

– Какой в мамкину норку отгул, Никитин?! Ты че, охренел?! Ты видишь, что у нас за песец творится?! Телефон у дежурного красный как нос у алкабота, мужики все в поле, а еще только утро, девчонки-паспортистки толкьо шныряют по отделу, да бумагомаратели разночинные. На вокзале вообще непонятно какая хрень произошла. – Полковник только сейчас заметил, что лист превратился в смятое нечто и начал его старательно расправлять, все еще продолжая ругаться, хотя уже и не так интенсивно. – А он «отгул»? Какой на хрен отгул? Вали отсюда, капитан, пока я тебя на ноль не умножил! И вообще! У тебя есть начальство непосредственное. С ним нужно такие вопросы решать, чай не первый год служишь. Ты бы еще к министру внутренних дел обратился за отгулом. Отгул ему!

Виктор встал и, скрипя от злости зубами, вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Оказавшись в коридоре, капитан Никитин сделал три глубоких вдоха и попытался успокоиться, все же то, что он обратился, как говорят, «через голову» тоже было не совсем верно. «Ладно, если не получается в лоб, мы его на кривых объедем. Нормальные герои всегда идут в обход!». Виктор развернулся и пошагал обратно к дежурному, узнать, что за ахтунг такой творится, о котором шеф обмолвился между неллицеприятными эпитетами в сторону самого Виктора. Уже практически подойдя ко входу в «аквариум», капитан услышал какую-то возню и крики – тонкий фальцет, звеневший на пределе ультразвука, и голос Михи, который крыл всех тринадцатизатяжными матюгами. Опер поспешил на шум. Оказалось, в «обезьяннике» потасовка. Один – седой дядька лет пятидесяти, в дешевом костюме с оторванным рукавом, бросался на второго. И не просто бросался, а пытался укусить.

– Эй, а ну угомонись! – сквозь стекло кричал дежурный, но слова словно проходили мимо ушей дебошира, не обращавшего на разъяренного дежурного никакого внимания. – Попустись, урод!

Второй же, классического вида бомж с нечесаной бородой и засаленными лохмами седых волос, орал как павиан в брачный период и пытался увернуться от нападавшего, мечась в четырех квадратных метрах от угла к углу. Даже от одного вида гражданина без определенного

места жительства, не говоря уж об исходящем от него амбре, плевать хотелось, а тут и вовсе получалась ситуация за гранью понимания.

– Мих, что опять? – дернул на себя дверь в дежурку капитан, заглядывая вовнутрь.

– Да я знаю?! – повернул голову к Виктору Мишка. – Этот, в костюме, лежал себе спокойно на лавке никого не трогал – его сегодня утром доставили, а потом поднялся и начал кидаться на бомжа. Слышь ты, я не знаю, что я сейчас с тобой сделаю! – Ударил кулаком по столу оперативный дежурный и тут же скривился от боли – не подрасчитал слегка, и удар получился весьма болезненным.

Его терпение кончилось, потому как без помдежа, который не явился на службу, а нового так и не назначили, приходилось трудновато, а тут еще и эти идиоты потасовку устроили. Битковский, схватив наручники, вышел из «аквариума», отстранив Виктора, практически дошел до решетчатых дверей и застыл как истукан, глядя на то, как умалишенный дядька хоть и в драном костюме, но вполне интеллигентного, хоть и потрепанного вида, загнал бомжа в угол и схватив того за руку смачно впился в нее зубами, абсолютно не обращая внимания на вонь, идущую от бомжа и грязную одежду.

Бомж заорал во все горло – хоть на нем и было куча разномастных тряпок, но напавший «интеллигент» все же добрался до плоти – на куртке проступили кровавые пятна, и Виктор увидел струйку крови, стекающую по немытой руке.

– Где ключи от обезьянника?! – гаркнул Виктор остолбеневшему от такого поворота Битковскому, застывшему в паре шагов от решетки и с растерянностью крутящего наручники.

В этой суматохе Битковский просто забыл взять ключи, когда выбегал в холл.

– Черт! – словно очнулся от остолбенения Миша и буквально за два прыжка добрался до дверей, ведущих в кабинет дежурного, чуть не снеся на своей дороге капитана, который, наоборот, выдвинулся к клетке.

А нападавший уже оттолкнул руку истерично орущего бомжа и, хватко вцепившись тому в плечи, грыз уже того за голое горло. Кровь так и брызнула фонтаном, щедро окрашивая в алый цвет пол и решетки «обезьянника», окропив и самого нападавшего и его жертву. Помещение тут же наполнилось тяжелым запахом, как на скотобойне. Бомж уже перестал орать, поскользнувшись в собственной крови, он свалился на пол и просто булькал, глядя широко распахнутыми от ужаса глазами в давно не беленный потолок, пока псих, весь измазанный в крови, с чавканьем глотал куски. Да-да... Именно глотал. Жрал, если быть совсем уж точным – судорожные глотательные движения были видны очень четко. Виктор чуть не блевонул – всякого повидал на этой работе, но такого... Ком подступил к горлу, стало дурно.

Из кабинета выбежал Миха и остолбенел, мгновенно изменившись в лице.

– Т-твою налево! Че з-за херь? – от перепуга капитан начал заикаться, испуганно тараща на кровавую картину, будто замороженный не в состоянии отвести взгляд.

– Миха, бегом к Сергеичу, зови его. А я щас.

– Ага, – кивнул дежурный, выходя из ступора. – Только в туалет заскочу.

А ненормальный продолжал жрать бомжа, отрывая зубами плоть, крутя головой, помогая себе тем самым, будто бездомный пес. Все вокруг было в крови – видать первым укусом повредил артерию, потому как фонтан был изрядный.

Виктор отвел взгляд от кровавого зрелища и, придерживаясь за стенку, отправился в свой кабинет, где в сейфе лежало его табельное оружие. Достав из древнего еще советского нескораемого шкафа ПМ и магазин к нему, капитан тронулся обратно к «обезьяннику», по пути встретив мокрого Миху и рассерженного полковника.

– Тащ плковник, я вам честно говорю, – оправдывался капитан, проводя ладонью по мокрому лбу.

– Щас посмотрим! – Гаркнул на него раздраженный Смирнов. – А ты, Никитин, тоже видел, как один задержанный жрет другого?

– Так точно. Так и стоит эта картина перед глазами. Да вы сейчас сами все увидите...
Миха, ты че мокрый?

– Проблевался...

Первое, что бросилось в глаза полковнику это то, что ненормальный больше не грыз бомжа – просто сидел рядом на корточках весь в кровище, уставившись своими глазюками в одну точку. Но как только начальник отделения в сопровождении дежурного и оперуполномоченного зашли в помещение, где располагался «обезьянник», окровавленный ненормальный оживился и тут же поднялся на ноги. Сделав несколько довольно неуклюжих шагов в их сторону в попытке дотянуться до людей, он протягивал запачканные руки сквозь прутья, через которые растекалась лужа крови, соединяя воедино и без того огромное количество алых капель на полу. Псих.... А псих ли это? Внешне он был вполне нормальным, хотя.... Виктор присмотрелся к глазам этого странного человека – и снова почувствовал тошноту. Зрелище было столь отталкивающее, что кожа покрылась мурашками. Глаза словно застилала мутная пелена, и теперь они стали поблеклыми, будто обесцвеченными... безжизненными. Виктор еще не знал, что он впервые заглянул в глаза нового мира.

Бомжара, весь залитый кровью, словно алой краской, так и лежавший на спине посреди кровавой лужи, неожиданно дернулся, словно от разряда тока. Сначала Виктор подумал, что ему показалось, но затем рука дернулась весьма определенно, а после и вовсе подранок, все еще оставаясь лежать, просто повернул голову, продемонстрировав изъеденную шею и половину лица, где сквозь висящие лохмотьями остатки мимических мышц были видны кости черепа и остатки гнилых давно не знавших дантиста коренных зубов, изрядно изъеденных кариесом.

Вот теперь Виктор не сдержался – согнулся пополам и опустошил желудок прямо на пол. Когда спазмы прошли, а испуганные вопли вперемишку с матюгами капитана-дежурного и полковника притихли, Виктор поднялся, чуть качаясь, и вытер рот рукавом.

– Тащ полковник, что это за хрень?

– Я те че, Педивикия?

Нервы у начальника РО УМВД уже сдавали...

– Витек, надо их поближе осмотреть. – Пробормотал Миха, цветом лица уже начинавший напоминать стену «обезьянника», щедро покрашенного зеленой масляной краской.

– Тебе надо – ты и смотри, а я ближе, чем на шаг к нему не подойду...

Бомж начал медленно и неуклюже подниматься. Движения его были прерывисты и нелепы. Он скорее напоминал куклу на веревках у начинающего кукловода, чем человека.

Полковник Смирнов сделал несколько шагов вперед, но все же остерегаясь подойти близко к решетке.

– У него же артерия перекушена... Вон кровищи сколько. Как он может двигаться?

– Я ж вам говорил – тот этого грыз за горло. А вы не верили...

– Так почему он двигается? – не унимался полковник, пристально рассматривая скалящегося человека в порванном окровавленном костюме. – Никитин, а ну иди сюда, ты уже опорожнил желудок...

Виктор, делая над собой усилие, подошел к Смирнову, и они вместе начали наблюдать, как искусанный бомж поднялся и вместе с другим мужиком медленно подходил к решетке, протягивая в сторону людей руки и скалясь в кровавых ухмылках. Особенно это жутко получалось у бомжа, с его-то обглоданной рожей. И что самое страшное – у обоих были безумные белесые немигающие глаза, будто гипнотизирующие людей своим взглядом.

Из оцепенения всех вывели ввалившиеся в отделение два пэпса, тащившие под скрученные наручниками за спиной руки какого-то вырывающегося мужика, измазанного чем-то непонятным. Протиснувшись мимо «вертушки», что была у входа, сразу за входной дверью, они предъявили задержанного с кляпом во рту.

– Вы идиоты? Какого хера он с кляпом во рту? – первым опомнился Смирнов.

– Так он... – замямлил первый пэпээсник, но второй его коллега быстро объяснил все.
– Вот, на людей бросался, грызнул нескольких. Пришлось немного спеленать.

– Надо бы его в «обезьянник» до установления личности. А то он какой-то невменяемый... Обкуренный что ли?! Мы его обшмонали, но документов не нашли... травы тоже, – сержант, одной рукой поддерживающий задержанного, а второй, сжимающий свой «успокоитель», кивнул в сторону «обезьянника» и удивленно уставился на открывшуюся ему картину. – Ни хера себе у вас тут бойня! Ой, прошу прощения, тащ полковник.

– Ага. Кровищи, как будто кабана зарезали! – присвистнул уже второй.

– Тащ капитан, – обратился сержант с перебинтованной рукой к Михе. – Может, откроете?

– Ты че, охерел, сержант?! Ты видишь, что тут творится?! – заорал на того Миху, все еще зеленый как молодая весенняя поросль.

– Ну а куда мне его деть? – растерялся пэпээсник.

– В жопу себе зануль!

– Капитан! – гаркнул полковник.

– Извините, тащ полковник.

Все это время задержанный сержантами сипел, дергался и, несмотря на закупоренный измазанный рот, пытался тянуться в сторону людей. Виктор скривился. Что там сержант говорил? Вроде этот успел нескольких человек цапнуть? Да и у самого сержанта рука перебинтована...

– А с рукой-то что? – задал вопрос Виктор.

– Да этот... – ППС-ник со злостью замахнулся было дубинкой, но вовремя передумал, перехватив взгляд начальника отделения. – Цапнул меня, когда его крутили. Представляете? Вцепился, словно... словно собака какая-то. Пытался и Леху ... того, но куртка спасла. Придурок обкуренный!

– Мы ему решили хавальник заштопать, чтобы со спины не напал. Так чё с ним делать то? – поинтересовался второй ППС-ник Леха.

– Сергей Сергеич, гляньте на их глаза, – Виктор все же обратил внимание на схожий у всех троих безумный мутный взгляд.

– Так, Битковский, а ну тащи из подсобки швабру! – скомандовал Смирнов, после беглого взгляда на всех задержанных.

– Чего? – не понял все еще не пришедший в себя дежурный.

– Того! Швабру! Самую обыкновенную!

Миха метнулся в парафию и святая-святых местной уборщицы и приволок древнюю, тяжелую деревянную швабру.

– Сейчас аккуратно открываешь замок, а ты, – полковник кивнул Виктор, – удерживаешь этих, пока сержанты не запихнут туда своего подопечного.

– А эти двое подопечного не сожрут? – засомневался Виктор, прекрасно помня, как психинтеллигент накинута на бездомного и загрыз того.

– Ну, вот мы и посмотрим, кто кого... – хмыкнул пэпээсник с перевязанной рукой. – Он ведь тоже кусаться пытается.

– Да. Но у него пасть замурована. – Возразил второй.

– Ниче. Руки ему освободить – вытащит. Ты заметил, что буркалы у него такие же, как и у тех двоих?

– Если честно, то не обратил внимания, он же был рожей вниз.

– Хватит трындеть! – прервал их перепалку Смирнов. – Ну ладно... давайте!

Миха только подошел к двери в клетку, как бомжара начал ковылять туда же, притягиваемый будто магнитом.

– Блин! Витя, отпихни-ка его!

Виктор перехватил поудобнее швабру и, просунув ее сквозь прутья, с силой пнул бомжару в грудь, сбив того с ног. Миха в это время суетливо пытался открыть дверь, и как только ему это удалось, сержанты впихнули туда своего задержанного.

– Эй, а руки ему раскрутить?! – воскликнул Виктор, вынимая свое орудие и прислонив его к стене.

– Черт! Ну не лезть же за ним туда? Эй, а у этого бородатого что, горло разгрызено?!

Миха опять закрыл дверь и отскочил от греха подальше. Все дружно уставились на задержанного, но ни бомжара, ни второй псих не обратили на него никакого внимания. Никто даже и не думал на него кидаться и пытаться сожрать. Не понятно...

– Вывод – на своих они не бросаются... – пробормотал Смирнов, снова подойдя к клетке поближе.

– Кто «они»? – выдохнул Миха.

– Ну эти... глазастые. Может, это бешенство? – вслух размышлял полковник, у которого в голове не укладывалось все происходящее. С самого утра в отделение повалили бесконечные вызовы с жалобами на немотивированную агрессию и покусанных людей. На вокзале, судя по утренней сводке, вообще какое-то ЧП произошло... И с каждой минутой становилось все хуже и хуже – звонки просто валом посыпались на дежурного. Дошло до того, что позвонили из «Управы» и чихвостили во все дыхательно-пихательные, в связи с участвовавшими случаями нападений на улице. Дескать, статистику всю испортят! Тьфу ты! Какая на хер статистика, если тут такое...

Полковник в задумчивости сделал еще несколько шагов к «обезьяннику», пытаясь получше рассмотреть странных задержанных, один из которых, вопреки законам природы и разорванной артерии, продолжал тянуть руки в сторону застывших милиционеров, абсолютно не обращая никакого внимания на столь пустяковую ерунду, как разорванную сонную артерию. Ненароком он подошел слишком близко, и бомжу все же удалось схватить его за рукав кителя. Сергей Сергеевич шархнулся подальше от «обезьянника», нервно одернув руку.

У Никитина словно в голове что-то стрельнуло – проскочила какая-то мысль, но толком сформулироваться не смогла. Почему он сделал то, что сделал, капитан и сам не знал, он не мог это объяснить ни себе, ни кому-либо еще... Виктор что-то пробормотал абсолютно непонятное, сбрасывая оцепенение, и, достав ПМ из наплечной кобуры, дважды выстрелил бомжу в грудь, прошив насквозь и отколов штукатурку позади него.

Полковник громко матюгнулся, снова отскочив на добрый метр в сторону.

– Ты че, охренел, Никитин?! Да нас живьем потом прокуратура и взбэшники сожрут!

– Сергей Сергеич! – начал было Миха.

– Так, пошли-ка отсюда, – хлопнул ППС-ник Лёха своего напарника по плечу. –

– Сергей Сергеевич, я... – Виктор, действительно, не знал, что на него нашло. В голове тут же пролетели картинки дальнейших разборок с отделом внутренних расследований, суд, тюрьма... А самое паскудное, что только вчера родился сын. Черт!

– Дай сюда ствол, придурок! Под монастырь решил нас подвести? Хрен с ним с бомжарой – ты его лично прикопаешь, а как мне патроны списывать?! Опять к барыгам обращаться, на поклон идти? – орал начальник, багровея лицом. Да и причиной его крика послужил не столько самоуправство капитана, сколько реакция самого полковника на эту ситуацию – он просто испугался... Испугался, когда окровавленный бомж схватил его за рукав, испугался, услышав гулкие выстрелы. А так как он давно не испытывал страха, то реакция его была объяснима.

Капитан глупо таращился на свой собственный пистолет, который сжимал в руке, когда его внимание привлекло движение в «обезьяннике».

– Тащ полковник, глядите. – Хриплым голосом пробормотал Виктор, не веря своим глазам и ощущая какое-то благодатное облегчение, теплой волной разлившееся по телу, показывая дулом пистолета в сторону тянущего руки сквозь решетки бомжа. Два входных отверстия

в груди абсолютно ему не мешали в этом. А то, что не промахнулся, Виктор был уверен на все сто процентов – дырки от пуль в одежде были ясно видны на расстоянии двух метров, а осыпавшаяся штукатурка стены позади бомжа была тому ярким подтверждением.

– Что за хрень? – завел старую пластинку Миха. – Я тут чуть в обморок не наложил!

На выстрелы из своих кабинетов повысовывались оставшиеся гражданские и работники бумажного фронта, занимающиеся обеспечением рабочего процесса. Шутка ли – стрельба в помещении! Некоторые из них решили взглянуть из-за чего весь сыр-бор и теперь стояли белее мела, глядя на кровавое побоище. Не смотря на достаточное количество народа, тишина стояла гробовая. И в этой тишине зазвонивший телефон показался раскатом грома – добрая половина присутствующих подпрыгнула на месте.

– Чего стоишь?! Иди, мля, принимай звонок! – полковник достал носовой платок и вытер испарину со лба.

– Ага! – как китайский болванчик кивнул головой Миха, стремглав бросившись на свое рабочее место.

– Радуйся, что промахнулся!

– Такого быть не может! Я ж в него две пули всадил! – не верил своим глазам Виктор. – К тому же... вы же сами видите – у него артерия перекушена. Кровищи вон сколько вылилось... Он просто не может быть живым.

– Ага! А ты его решил окончательно... того.

– Товарищ полковник, да я...

– А ну-ка, дай! – Полковник Смирнов взял пистолет Макарова, вынул магазин, внимательно осмотрел патроны и, вставив его обратно, выстрелил бомжу в грудь. Тот только покачнулся, но это легко объяснялось законами физики, но вот законы природы молчали: почему человек с перегрызенной артерией и тремя пулями, прошившими грудь, продолжает жить. За более чем тридцатилетний стаж работы, такое случилось впервые.

– А вы в голову попробуйте, – выкрикнул кто-то из толпы.

– Точно! Я вон в кино видел...

– А у вас что, работы мало?! – отозвался на возглас начальник. – А ну живо по рабочим местам!

Толпа моментально рассосалась, будто ждала команды. Хотя многие с облегчением покинули холл, где пол был весь в крови и блевотине.

– Вот советчики херовы... – шипел себе в усы полковник. – Вы мне еще осиновый кол и чеснок принесите да экзорциста вызовите! – не сдержался Смирнов и рывкнул вдогонку, но совета послушался – бомж тряпичной куклой свалился на пол прямо под ноги мужику с кляпом, который лбом уперся в решетку, будто пытаясь ее продавить.

– Хрен знает что! Как-то надо бомжа этого по-тихому прикопать... Никитин, вот ты этим и займешься. Как ты будешь улаживать этот вопрос – твои проблемы, но чтобы трупа здесь не было к вечеру. Хоть жри его! Так! Этих не выпускать! Близо не подходить! Битковский, специально для недоразвитых – глаз с этих двух не спускать!!! Не дай Бог провороните, я вам кой-чѐ на кой-куда натяну и моргать заставлю!

Из «аквариума» вылетел Миха.

– Сергей Сергеич! Еще один вызов – на Бреста девчонка молодая заперлась в комнате, а к ней ломится ее собственный отец. Только по ее словам он какой-то не такой.

– Ты не спросил «какой он, не такой»?

– Она вся в истерике. – Замотал головой дежурный, – Я еле-еле разобрал ее слова.

– Ладно, Никитин, живи пока, хватай Володина и Старина и дуй на вызов. Держи. И еще – вы двое, никому ни слова про бомжа... Хотя какое тут! – Полковник отдал Виктору пистолет, а сам развернулся и, устало вздохнув, пошел в сторону своего кабинета.

9-00 Катя и Степан Роговы, проспект Генерала Острякова

– Может, все же останешься? – мужчина сложил выдвижную ручку огромного дорожного чемодана.

– Зачем? Что это изменит? Нет, я все решила! Я ухожу! Давно мне все говорили, что ты не тот, кто мне нужен! – Девушка сверкнула умело накрашенными глазами, передавая взмахом наращенных ресниц все презрение к собеседнику. – Я достойна большего! А ты... Что ты мне можешь дать?! Поездку в Египет раз в год?

– Некоторые и туда ни разу не ездили, – пожал плечами Степан, отмечая свое невозмутимое спокойствие и сам удивляясь этому. Ведь рушится вся его жизнь!

– Так я не некоторые! – в негодовании сверкнула глазами красавица. – Вон у Наташки муж! Вот он настоящий мужчина! Наташку на руках носит! Золото ей покупает! На Бали ее свозил, в Мексику, про всякие Турции-Египты и не говорю, это у них и за отдых не считается. А ты? Сам вниз катишься и меня за собой тянешь. Перебиваешься с хлеба на воду да копейки считаешь!

– Ну не такие уж и копейки. На жизнь-то хватает, – попытался урезонить свою жену Степан. Хотя теперь уже, наверное, бывшую жену.

Когда они познакомились пять лет назад, Степан был работником в небольшой фирме, занимающейся установкой окон и дверей, а Катя училась в институте. Молодая и красивая двадцатилетняя девушка сразу же понравилась Степану, но та его долго не замечала – ведь вокруг нее и так хватало кавалеров. И более симпатичных, чем Степан, и более обеспеченных, которые если приглашали на свидание, то не в парк, а в ресторан или в клуб. А клубы Степан не любил, да и денег лишних не было... Парень понимал, что если он что-то в своей жизни не поменяет, то ему никогда не светит такая девушка как Катя, которой в пору на глянцевах страницах блистать.

И Степан начал усиленно работать. Через год, на свое двадцатилетие он уже стал сам себе хозяином – занял денег для стартового капитала и оформил предпринимательство. Постепенно благодаря трудолюбию и аккуратности Степана клиентская база разрослась, и материальное положение парня значительно повысилось. Он оформил кредит и купил то, о чем так долго мечтал – свой первый автомобиль. Хоть тачка и была не из салона, но все равно для Степана его «Шевроле» стал как символ новой эпохи, новой жизни, которая начинается у парня. А тут еще и Катя согласилась на свидание, потом на еще одно и даже пригласила Степана прийти на церемонию вручения диплома.

Конечно, на празднике Катя была самой красивой, и Степану лестно было осознавать, что добился своего, ловить завистливые взгляды парней, которым Катя отказала. Еще через год Катя и Степан сыграли пышную свадьбу. Они могли пожениться и раньше, но молодая невеста хотела самую красивую свадьбу – чтобы и с лимузинами, и прогулкой на яхте вдоль побережья ЮБК, и банкетом в самом дорогом и престижном ресторане. В общем, так, чтобы все подружки обзавидовались черной завистью. Степану же для любимой ничего не было жалко – попроси та звезду с неба и ее бы парень достал.

Свадьба была сыграна, пышное белое платье убрано в шкаф на длительное хранение, свадебные фото выставлены на странице одной из социальных сетей на зависть всем подружкам. Началась семейная жизнь.

Из ступора размышлений парня вывел голос любимой:

– Тебя постоянно нет дома. Уходишь – я еще сплю, приходишь – я уже сплю. Выходные – так тебя и в выходные дома нет, – заводилась и дальше Катя, искренне жалея себя за то, что так промахнулась с выбором мужа. Нужно было все же соглашаться на предложение бросить этого олуха Степана, оставить ребенка, и выйти за Виталика замуж. Так нет же... думала, что Степан окажется лучшей партией. Вот дура! А Виталька сейчас помощник мэра города, ездит

на новеньком Лексусе и ни в чем себе не отказывает. И это еще больше злило девушку, которая всю свою обиду вымещала на своем муже.

Степан хотел детей, чтобы минимум двое. А то и трое. Мечтал о дружной и большой семье. Катя же пока не планировала обзаводиться обязанностями по воспитанию потомства. Она хотела пожить в свое удовольствие, для себя, как пишут в женских журналах. К тому же, беременность нещадно портит фигуру, а от кормления грудь отвисает, становясь похожей на уши спаниеля. И когда через полгода после свадьбы девушка обнаружила, что беременна, да еще и не от мужа, она без колебаний решила на аборт.

А Степан винил и корил себя. Если бы он согласился отдать жене авто, чтобы той не приходилось ездить на маршрутках, то тогда бы не произошло того, о чем он будет жалеть всю жизнь. Резкое торможение автобуса и травма живота, что привело к выкидышу – так сказала Катина мама, когда Степан примчался из командировки, не успев даже доехать до места назначения. Светлана Валерьевна даже не захотела сразу впускать зятя в квартиру, стояла на пороге, держала оборону, точно Брестская крепость на пути немецко-фашистских захватчиков... Степан просил ее впустить, чтобы он мог увидеть жену, обнять ее, утешить... Но теща была непреклонна. Мужчина использовал все свое красноречие, чтобы разжалобить железное сердце Катиной мамы, и оно поддалось.

Любимая, ненаглядная Катя была такая бледная, и заплаканная, что Степан тут же отдал ей ключи от своего «Шевроле». Чего не сделаешь ради дорогого человека?

– А если бы ты сделал это раньше, когда я просила, то и ребеночек наш был бы жив, – плакала навзрыд Катя, теребя тонкими пальчиками с ухоженными ноготками брелок с эмблемой.

Это казалось таким далеким прошлым...

– Ты мне такси вызвал?! – прервалась от обвинений Катя, оглядываясь – ничего ли не забыла из своих вещей.

– Да, вот-вот должно подъехать, – тихо ответил парень, отмечая, что обручальное кольцо больше не украшает пальчик жены. Бывшей...

– Я же просила к девяти, а ты как всегда... Вот ты весь такой! На тебя нельзя положиться!

– Кать, может, хватит?

– Действительно, хватит воздух сотрясать... – пожала плечиками Катя. – Ну, где там твое такси?

Степан пожал плечами и тут в его руке завибрировал мобильник.

– Судя по всему уже у подъезда.

– Ну, наконец-то! Остальное я заберу позже. Давай, пока!

– Пока...

Катя взялась за ручку чемодана и тут же ойкнула – чуть ноготь не сломала!

– Может, поможешь мне чемодан донести до машины? – и она улыбнулась Степану как раньше, той самой улыбкой, от которой сердце начинало биться чаще, рискуя выпрыгнуть из груди.

Парень хотел было согласиться, чтобы хоть на минуту побыть дольше с женой, но все же сказал «нет».

– Ну да, оставлять девушку наедине с тяжеленным чемоданом – это так по-мужски. – Ехидно заметила Катя, стараясь не показать своего удивления его отказом. Ведь она привыкла, что Степан делает все, что она говорила, понимая ее чуть ли не с полувзгляда. А тут «нет». Тоже мне! Устроил тут восстание Спартака!

– Ну, учитывая, что все в этом чемодане куплено на те самые гроши, что я зарабатывал, то он должен быть невесомым. – Ответил Степан и закрыл за женой дверь, как бы разделив свою жизнь одной чертой.

Степан сразу решил, что напиваться не будет, хоть и хотелось забыться в алкогольном угаре, а еще больше хотелось уйти из этого дома. Ведь все здесь напоминало о Кате, ведь именно она выбирала эту квартиру – чтобы недалеко от центра и транспортная развязка...

Парень порылся в своих вещах и выудил оттуда давно позабытые джинсы и кожаную куртку, которые не одевал со дня свадьбы – Кате не нравился такой стиль. Ей нравилось одеваться под стать друг другу, чтобы сочеталась одежда, чтобы они смотрелись рядом друг с другом. Степан переоделся и мельком глянул на себя в зеркало. Оттуда смотрел широкоплечий (спасибо занятиям на перекладине во дворе) тридцатилетний мужчина с взлохмаченными волосами и усталыми, красными от бессонной ночи глазами (спасибо дорогой жене). Погода в последнее время стояла теплая, поэтому замерзнуть Степан не боялся.

Обув дорогие фирменные кроссовки, парень вышел из дома.

Куда идти он еще толком и не знал. На душе было так паршиво, что раздумывать о выборе маршрута и вовсе не хотелось.

– А, будь что будет! – пробормотал Степан и пошел в сторону остановки – благо дом стоял сразу за ней, и плутать дворами не пришлось. – Какой троллейбус подъедет первым – на том и уеду.

– Вы что-то сказали, молодой человек, – гнусаво проговорил стоящий рядом старичок.

– Нет, вам показалось. – Покачал головой парень.

Троллейбуса не было довольно долго. Степан даже начал поглядывать в сторону маршруток, но тут, наконец-то, показался рогатый ископаемый с номером «12» на стекле.

Ну что ж... едем в Центр.

Погода стояла отличная – солнце, не смотря на то, что только март, жарило почти по-летнему. Так что через некоторое время Степан даже расстегнул молнию куртки. В воздухе витал пьянящий аромат цветущих деревьев. Рано пришедшая весна одела город в цветущие наряды – снежно-белая алыча, нежно-розовые миндаль и абрикос, солнечно-желтые кусты форзиции цветными пятнами разбавляли серые, по-зимнему унылые улицы города. Все еще холодное, не смотря на солнечную погоду, серое море сливалось с безоблачным небом. Хотя вдалеке на горизонте все же проявлялись едва заметные белеющие кучевые облака, предвещающие дождь, а то и снег – погода в Севастополе всегда была непредсказуема. Среди горожан даже ходила такая поговорка «погода меняется или раз в три дня, или три раза за день». Случалось и такое, что в одном районе города шел ливень, а в соседнем светило яркое солнце – чудеса, да и только. Но жители были привычные и ничему не удивлялись.

На Приморском бульваре с утра было немногочленно – и мужчина вздохнул спокойно. Меньше всего ему сейчас хотелось быть среди людей. Нужно было разобраться в себе, а для этого побыть наедине с самим собой, собраться со своими мыслями, попытаться их упорядочить и понять, как жить дальше.

Над морем парили белоснежные чайки, испуская пронзительные крики, а на фонарях, которые вечером освещают путь прогуливающимся парочкам, сидели голуби. Эти наглые птицы при виде хоть одной упавшей крошечки хлеба или семечки срывались со своих мест и со скоростью истребителей Люфтваффе пикировали к месту, где их ожидало пиршество. Иногда даже становилось страшно, когда вся стая проносилась в нескольких сантиметрах от тебя, казалось, что они хотят вцепиться в волосы и выклевать глаза.

Еще не начался сезон, когда центр города заполняется толпами «отдыхантов» вперемешку с зазывалами на катерные прогулки, горланящими в свои рупоры как полоумные и кидающимися прямо на людей, а то и хватающими их за руки. Эти граждане, орущие с утра до вечера один и тот же текст, так надоедали местным жителям, что на СевИнфо – город-

ском форуме – то и дело предлагали запретить их под страхом смертной казни, а так же раздавали ценные указания, как пооригинальнее их послать, дабы зазывалы прониклись и отвалили. Но городская власть думала иначе, ибо, наверняка, имела свой гешефт. Действительно, кому интересны многочисленные памятники и достопримечательности Севастополя? Ведь туристы только сюда и едут, чтобы полчаса покататься на старом тарахтящем катерке, рискуя в любой миг пойти под воду аки печальноизвестный линкорн «Новороссийск», да сфотографироваться с облезлыми павлинами или голубями на последнем издыхании ну и, конечно же, прикупить пару китайских однотипных сувениров. Куда же без них?

Степан медленно прошелся по Набережной Корнилова до Артбухты и повернул обратно в сторону Памятника Затопленным кораблям. Как ни странно о Кате он не думал – как будто какой-то мысленный блок стоял, не дающий лезть в голову неприятным мыслям.

На глаза парню попался маленький тощий щенок самой распространенной породы «кабыздох» неопределенного цвета. Тот жался к картонной коробке, что заменяла мусорное ведро возле ларька с хот-догами. Степан глянул на щенка и вдруг подумал, что он сам сейчас похож на такого же брошенного всеми ненужного бобика, с грустными глазами. Разве что блох у парня не было. Не раздумывая, мужчина подошел к будочке, где скучала молодая девушка, сразу оживившаяся при появлении покупателя.

– Девушка, мне один с двойной сосиской. Без майонеза и кетчупа.

– Это вы для песика? – улыбнулась девчонка, живо укладывая теплые колбаски в булку.

– Ага. Вот держите, – Степан протянул десятку в окошко и взял протянутый сверток, источающий приятный аромат. «Надо же, никогда бы не подумал, что хот-дог может так аппетитно пахнуть!».

Щенок заметно оживился и даже пару раз нерешительно вильнул хвостом, не решаясь подойти. Мало ли что сделает этот человек, вдруг ногой пнет! Странные двуногие без шерсти на морде и лапах, но с разноцветными шубками на теле для начавшего свою жизнь в старой картонной коробке щенка делились на два типа. Первый, обычно это были щенки этих двуногих – шумные, бегающие – они всегда приятно пахли молоком или другими вкусностями, которыми с охотой делились, стоило только приветственно повилить хвостом. Помимо щенков, попадались и взрослые двуногие, которые могли потрепать пса за ухом или выбрать из ушей клещей, больно впившихся в нежную кожу. Таких песик любил. Но были и другие. Те больно пинались и грозились пустить щенка «на мыло» или отдать живодерам. Что такое «намыло» и кто такие «живодеры» щенок не понимал, но от таких двуногих старался держаться подальше.

Степан присел на корточки и поломал сосиску и кинул один кусочек «кабыздоху». Кусочек был моментально съеден, а кредит доверия выдан. Песик мелкими шажками подбежал к мужчине и с огромным аппетитом упледел все угощение.

– Ладно, парень, бывай здоров, – Степан вытер руки о салфетку, идущую в комплекте с хот-догом и направился дальше, свернув у Дельфинария к морю. Настроение слегка улучшилось – уже и чайки не раздражали своими криками, да и торопливо проходящие прохожие не вызвали чувства недовольства. Степан прошел мимо Института биологии южных морей, в здании которого находится Аквариум и подходил уже к развилке на набережной, где если пойти вправо, то можно выйти к городскому центральному фонтану, а влево – пройти вдоль моря. Степан решил все же пройти по берегу, наслаждаясь шумом бьющихся о прибрежные камни и плиты набережной волны.

Отвесная стена справа становилась все выше и выше, когда мужчина услышал звонкое тьяканье. Степан оглянулся – в паре метров от него стоял тот самый щенок и голосисто лаял на кого-то, кто был на верхней площадке. Парень сделал шаг назад, когда краем глаза заметил падающий сверху силуэт. Он не сразу и понял, что это был человек, но как только испуг прошел, и мыслить логически стало проще, Степан развернулся к поднимающемуся человеку.

– С вами все в порядке? Эй!

Мужчина, свалившийся с двухметровой высоты, даже не отряхнулся, а молча, неуклюже поднялся, как ни в чем не бывало.

– Вам помочь? – не унимался Степан, отметив кровь на руке и одежде, а «кабыздох» залаял еще сильнее, и парень мог поклясться, что в лае пса сквозила истерика пополам со страхом. И тут Степан понял почему – упавший мужик поднял лицо и его взгляд, точнее глаза, заставили кровь в жилах мужчины заledenеть, да и кожа у того была словно восковая – бледная, черты лица оплывшие... Степан не знал, как точнее объяснить увиденное. Наверное, так и должна выглядеть смерть – именно такой взгляд должен быть у нее. Упавший не мигая смотрел своими белесыми бельмами и медленно поплелся в сторону остолбенелого Степана, издавая какой-то скулеж.

Из ступора парня вывела все та же дворняжка, которая уже даже не лаяла, а просто жалобно скулила, прижимаясь к земле корпусом с четко выступающими сквозь кожу ребрами, но почему-то не убегала. Когда странного мужика от Степана стало отделять меньше метра, тот раззявил рот, будто хотел укусить парня. Молодой мужчина резво отпрыгнул в сторону и, оглядываясь через плечо, побежал обратно к развилке, а тот, с бельмами, все так же с маниакальной настойчивостью тащился за ним. Щенок, кстати, тоже с радостью последовал за Степаном, путаясь под ногами.

– Так, иди сюда! А то еще грохнусь из-за тебя. – Подхватив щенка на руки, мужчина сбавил шаг, как только убедился, что преследователь остался далеко позади.

Что это было? Может, какой алкаш белочку словил? Но тогда откуда такие глаза? Или наркоман обдолбался так, что даже боли не почувствовал, свалившись с двухметровой высоты?

От греха подальше Степан направился в сторону автобусной остановки. Прогулялся, называется, чуть от страха в штаны не наложил. Да и псинку-спасительницу заметно трясло.

Ждать пришлось недолго, минут 5 – на Графскую пристань, перевалочный пункт для отправки на Северную сторону, как раз пришел катер, и народу на остановке резко прибавилось. Шум, гам, ругань. Несколько человек возбужденно переминались и зажимали окровавленные руки, пальцы, а у одного и вовсе ухо было откушено. Да что ж это такое? Собаки что ли напали?

Парень с откусанным ухом нещадно матерился и сетовал, что ему на завтрашнее собеседование без уха никак нельзя, ибо некомплект. Степан хмыкнул, услышав эту фразу, и мысленно поставил неутешительный диагноз.

Раненых пропустили без очереди на маршрутку, идущую мимо травмпункта Первой городской больницы имени Пирогова на площади Восставших. Но все равно нашлись такие граждане, которые упорно настаивали на равноправии, и тот факт, что у дядьки был откушен палец, их абсолютно не смущал.

Парень стоял посреди всей этой суеты и просто поражался с народа, который грызся как собаки за косточку. И было бы за что – маршрутки на Камыши идут одна за другой, поэтому Степан абсолютно не понимал возмущения толстой дамы, которая визгливо извещала всех, что у нее сердце и ей срочно нужно сесть именно в эту маршрутку. Мужчина уже набрал в грудь воздух, чтобы как следует ответить тостухе, но тут подъехал нужный автобус, поэтому Степан плюнул на все эти разборки и поспешил войти в салон.

Уже отъезжая в окне же автобуса парень увидел фигуру, приближающуюся к фонтану покачивающейся походкой.

Домой мужчина доехал без приключений, хотя несколько человек в транспорте недовольно косились на дворняжку, что тихо тряслась на руках у Степана.

Дом находился на другой стороне улицы – поэтому парню предстояло пересечь пару пешеходных переходов, на которых, несмотря на светофоры, головой приходилось крутить на 180 градусов – лихачей на дорогах хватало. Еще не стерлась из памяти история, когда местный гонщик, возомнивший себя братом Михаэля Шумахера, сбил на пешеходной дорожке

на смерть молодую женщину с двумя детьми практически на глазах у мужа. Все трое скончались на месте.

Двор дома, где снимал квартиру Степан, был без традиционной детской площадки – деятельные бабушки-пенсионерки наряду с самопровозглашенной »старшей по дому«, бывшей главой районной администрации, на собрании «Комитета галдящих баб» приняли решение снести качели и скамейки, т.к. их раздражали «наркоманы и алкаши», которые там собирались. Естественно, в эту самую категорию граждан был записан любой, кто хоть раз присаживался на скамейку и разговаривал чуть громче шепота. Поэтому качелей здесь не было уже как лет пять, зато освободилось место под клумбы, где рядовые члены того самого «Комитета» и ковырялись в земле – видать на будущее... привыкали... лежку готовили.

Помимо качелей-каруселей бабки привнесли еще одно новшество во двор – наняли тру-дьяг и установили блок из белого инкерманского камня прямо посреди выезда из двора на проходящий по ту сторону дома Проспект. Так что теперь, чтобы заехать во двор или выехать из него, нужно было давать доброго кругая по району, петляя меж домами. Автовладельцы все собирались глыбу сдвинуть – но дальше разговоров дело не продвинулось. Поэтому Степан оставлял свой «Шевроле» не во дворе, а на стоянке перед супермаркетом, что располагался в цокольном этаже. Так и проблема с полоумными бабками решалась. Да и окна квартиры выходили на эту самую стоянку – так что всегда можно было выглянуть и убедиться все ли в порядке с авто.

Пошарив в кармане, парень не сразу достал связку ключей – как назло один из них провалился в дырку. Но, наконец, застрявший ключ удалось достать, и Степан поднес брелок-таблетку к магнитному считывателю, раздался приветственный «пик-пик-пик» и электромагнитный замок, держащий железную дверь закрытой, открылся. Квартира Степана была на первом этаже, но учитывая супермаркет под ней, то получался как бы второй. Такое соседство было весьма удобным – и не далеко бегать за покупками и балконом Степану служила крыша магазина, отгороженная сеткой, хотя иногда напрягал шум вентиляторов от кондиционеров.

Буквально в три прыжка Степан преодолел лестничный пролет, отделяющий его от двери в квартиру, и открыл замок входной двери.

– Ну что, заходи, осваивайся, – сказал парень щенку, поставив того на пол. Щенок боязливо прижался к ногам Степана и отказывался самостоятельно осваивать незнакомую территорию, которая была полна незнакомых, но интригующих запахов и шумов.

Мужчина разулся и прошел в небольшую, но со вкусом обставленную кухоньку, где разместиться удобно можно было разве что в гордом одиночестве – хрущевки никогда не баловали своих жителей простором. Наверное, Никита Сергеевич, когда давал «добро» на постройку домов с подобной планировкой, полагал, что чем теснее будут жить люди, тем быстрее повысится демографическая ситуация.

В холодильнике кроме пары обезжиренных йогуртов и остатков вчерашних суши ничего не было. Катя не очень любила готовить, поэтому питалась молодая семья в основном полуфабрикатами или заказывала еду у различных служб доставки.

Степан хлопком закрыл холодильник, в котором впору грызуну веревку мылить, и глянул на щенка – тот уже не трясся, но и особой смелости не проявлял, все еще не понимая, куда это его принесли.

– Ладно, я схожу затарюсь продуктами – нужно привыкать к холостяцкой жизни, а то на йогуртах-уёгуртах далеко не уедешь.

Вернулся Степан довольно-таки быстро, по пути назад увидев две машины скорой помощи, промчавшиеся с сиренами в сторону больничного комплекса практически одна за другой. На лестничной клетке он столкнулся с соседом, который как раз собирался звонить в тяжелую стальную дверь Стёпиной квартиры.

– О! Привет, Стёп. Как раз вот к тебе собрался, думал, вдруг ты сегодня дома – сконфуженно поздоровался сосед – сорокалетний кряжистый мужчина из квартиры напротив. У него еще были две дочки – шумные девчушки 7 и 11 лет, которые частенько разрисовывали мелками лестницу, ведущую к подъезду.

– Привет. Да вот... – сконфуженно развел руками тот и добавил. – Дома.

– Я вот чего к тебе... Бинт бы хотел попросить.. Одолжи, а? А то на «Москву» идти из-за такой ерунды не охота, а в нашей аптеке то ли переучет, то ли еще чего...

«Москвой» было принято назвать стихийный рынок, что организовался возле остановки «Кинотеатр Москва», и был в минутах 10 неспешной ходьбы от дома Степана.

– Да без проблем. Заходи, Наполеон, – кивнул Степан, открывая дверь ключом. – Что случилось то?

– Да возвращался со смены, а на остановке потасовка была, и один из дерущихся меня за ладонь цапнул, когда я хотел их разнять.

– Что, прям так и укусил? – не поверил сперва парень.

– Так он не только меня укусил, он и того, второго пытался грызнуть. Да тот его каким-то захватом скрутил, а мне вот досталось. Плюнул я на это дело и двинул домой – вот уж, действительно, говорят: двое дерутся – третий не лезь.

– Эт правильно. Сегодня день какой-то ненормальный... – Степан промолчал про инцидент на Приморском.

– Пойдем, я рану перекисью промою. А в больницу ты все же обратись, мало ли какая зараза на зубах у того мужика психованного была.

– Ну, посмотрим, – пренебрежительно отмахнулся сосед. Подумаешь! Рана-то небольшая, крови совсем чуть-чуть выступило, да и не болит почти – пустяки! – На мне все как на собаке заживает!

– Ну, дай-то Бог! – по привычке сказал Степан, хотя верующим его назвать было сложно.

Вернее, в душе-то он и веровал, но посредников для общения с Всевышним Создателем он не терпел, так как верить в Бога, по мнению мужчины, можно и нужно, но церковь – нетерпима. Бог должен быть в душе, основной направляющей силой в поступках, наравне с моралью и совестью, а церкви, храмы, попы и прочие атрибуты современного духовенства, которое больше походило на ЗАО «РПЦ», не зависимо московского патриархата или киевского, являлись только посредниками, которые наживались на истинных чувствах прихожан.

Мужчины прошли в крохотную ванную комнату, где в настенном шкафчике хранились пузырьки препаратов первой помощи – перекись, спирт, йод, зеленка. Держа кровоточащую ладонь над раковиной, Степан полил рану перекисью и смазал края раны йодом.

– Щас перебинтуем. Но лучше на кухне – там светлее и просторнее.

– Лишь бы девчонки не перепугались, а то после той аварии, когда старшую, Аньку, чуть не сбил мотоциклист, они обе бинтов и всего, что связано с больницами боятся до ужаса.

– Девчонки в школе? – чисто из вежливости спросил Степан, обратив внимание, что опять на улице слышен сигнал скорой – что-то частенько они сегодня разъездились.

– Да, в начале второго должны вернуться. С женой-то они как шелковые, а из меня пытаются веревки вить. И, сказать по правде, у них это прекрасно получается. Сегодня все утро ныли – не хотели в школу идти, еле уговорил.

– А жена где?

– Да в командировку уехала, в Киев.

– Ясно. Ну, все, готово. Чай будешь?

– Да нет, спасибо, я б чего покрепче, а то что-то мне не очень хорошо. Наверное, адреналин выходит. – Сосед поднялся из-за стола.

– Главное, чтобы он не был коричневого цвета, – усмехнулся Степан, провожая мужчину.

– Та да, бывай. Спасибо еще раз. И это... из-за Катерины не расстраивайся. – Сочувственно похлопал по плечу Степана перебинтованной рукой.

Парень не стал спрашивать, откуда соседу все известно, просто молча захлопнул дверь и все. Неожиданно в голову пришла мысль, что фамилия человека, наравне с именем, данным при рождении, определяет судьбу человека. Но долго размышлять на эту тему не было ни сил, ни желания – в нос ударил стойкий запах псаины.

– Ну что, а теперь водные процедуры? А то запах от тебя – дай Бог каждому, – повернулся Степан к щенку.

10.00. Виктор Никитин. Ул. Героев Бреста.

К дому по адресу ул. Героев Бреста, 45 добрались в рекордно-короткие сроки – все же это было недалеко от отдела. Правда, пришлось попетлять по двору, чтобы найти нужный подъезд – дом был длинный, и на некоторых подъездах отсутствовали указатели номеров квартир.

– Вот там должна быть 75 квартира – показал пальцем сержант Олег Старин, перегнувшись через плечо Виктора, сидящего рядом с водителем – Володькой Володиным, именуемым никак иначе как ВэВэ.

Олег Старин был здоровяк – с таких можно писать картины про житие былинных богатырей древней Руси. Высокий парень под два метра роста, да веса килограмм ста двадцати, сразу бросался в глаза. Вовка Володин же, наоборот, был худощав, невысок и только форма придавала значимости его фигуре. Хотя, как ни странно, он никогда не пользовался своим положением.

– Сядь на место, и так уже понятно, что это там. – После выволочки от шефа и происшествия с бомжем настроение у Виктора было не ахти, еще и жена звонила из роддома, спрашивала, когда он приедет. Никитин кое-как успокоил Алёну и пообещал к 12 часам быть стабильно. Вот теперь и дергался – как бы обещание сдержать.

ВэВэ остановил машину у нужного подъезда, и стражи порядка дружно вышли из нее.

– Ну что? По пони?

– Двигай давай булками, коневод несчастный, – ткнул локтем в бок Олегу Володя.

– Ребятки! – послышался сверху старческий скрипучий голос, – Ребятки!

На балконе третьего этажа, рискуя вывалиться из окна, показалась сухонькая бабулька с ярко-оранжевой копной волос.

– Чего, бабуль?

– Вы за Сашкой-алкашом приехали? Я ему говорила, что если будет ссать в подъезде, то его загребут, а он... – начала было бабка, но Виктор крикнул, прерывая старушкин праведный гнев.

– А в какой квартире ваш алкаш проживает?

– Так в 63!

– Нет, мы в 75! На каком этаже, бабуль?!

Бабка на секунду задумалась, но тут же, как филиал горсправки, выдала:

– Дык, на пятом, милоч. Как зайдете – налево. Но Сашка не там живет, он в 63 обитает. Вы уж с ним поговорите... а то паршивец весь подъезд обоссал... – принялась причитать и дальше старушка, но Олег с Виктором уже зашли в подъезд с облупленной краской на стенах и заплыванным полом. Володин же остался за рулем.

– Ну и вонизма... писец! – поморщился Олег. Хоть топор вешай.

– Ртом дыши. – Посоветовал тому Виктор, – Ну что погнажи?

– Так глаза режет, – гыгкнул сержант, перескакивая махом через две грязные ступеньки.

Минуя квартиру Сашки-обоссана, на пятый этаж, отличавшийся подметенным полом, ребята взбежали практически моментально – мало ли что там придурковатый родитель с дев-

кой сделает. Виктор помнил одно дело, когда мачеха собственноручно прибила падчерицу и все подстроила, будто это отец девочки сделал – чтобы все имущество мужа ей перешло. До сих пор окровавленное тело девочки снится в кошмарах.

– Блин, может, на обратной дороге заглянем к этому Сашке-ссыкуну, я ему все ребра пересчитаю. Это ж надо так подъезд загадить! – возмущался Олег.

– Помолчи! – шикнул Виктор, подходя к оббитой дерматином двери с номерочком 75. Обивка была потертая и в некоторых местах в порезах, стены на этаже были украшены информативной надписью «Лена – прАститутка», хоть и затертой побелкой, но все же вполне читаемой.

За дверью было тихо. И это насторожило Виктора – то ли мужик побуянил, уgomонился да спать залег, то ли...

– Так, сержант, на всякий пожарный стволы держим наготове.

– Ага. Мало ли – вдруг он ее убил и съел, как в том анекдоте! – хихикнул Олег. Но Виктор шутки не оценил – недавний случай с бомжом все еще оставался для него загадкой. Брррр...

Виктор аккуратно дернул дверь за ручку – та со скрипом поддалась.

– Эй, хозяйева, у вас дверь открыта! Милицию вызывали?! – крикнул в пустое пространство коридора Виктор, держа свой ПМ наготове.

В ответ ни слова, только какой-то шум в дальней комнате, будто кто-то с ноги на ногу переминался.

– Заходим, – кивнул Виктор сержанту, который не смотря на предостережение Виктора держал в руках основное оружие пэпээсников – «демократизатор», то бишь резиновую дубинку. Так, наверное, ему было привычнее.

В квартире царил кавардак, хотя это-то и понятно – девчонка-то звонила из-за разбушевавшегося папаши. Судя по разнообразию обуви в небольшой прихожей, ранее стоявшей на специальной решетчатой тумбе, теперь же небрежно валяющейся посреди коридора, здесь проживали трое – родители и молодая девчонка-подросток. На последнее указывали кошмарные клоунские кеды, которые модны нынче у молодежи.

Нельзя было сказать, что жильцы жили богато – обои были кой-где с затерстостями, у дешевеньких пластиковых плинтусов не всегда были в наличии заглушки, но и бомж-притонем квартиру тоже было сложно назвать. Уж чего-чего, а квартир алкашей и нариков Никитин за годы службы насмотрелся вдосталь. Уж ни с чем не спутаешь. Так что если глава семейства и выпивал, то до крайней стадии спиться еще не успел.

Пока его коллега осматривал комнаты, Виктор остался в прихожей – его внимание привлек звук, исходящий из дальней комнаты – двери в нее были безнадежно испорчены, словно кто-то ее проломил, отрывая куски прессованного картона, из которых они и были сделаны.

Виктор показал в сторону двери и поднял табельный пистолет дулом вверх, призывая к вниманию, после чего кивнул в сторону ближайших дверей. Следовало сперва проверить то, что будет находиться за спиной. Чтобы не случилось как с одним опером пару лет назад, когда группа прибыла на вызов пьяной драки, не проверили помещение, откуда и вывалился бухой в умат хозяин квартиры и приложил молодого пацана, который и года не отслужил, кухонным топориком по темечку.

Межкомнатные двери, ведущие в спальню, были закрыты, туда сержант Олег по кивку Виктора заглянул первым – но никого не нашел. Да, если честно и не искал толком – там и искать было негде. Небольшой комод, в который спрячется разве что ребенок да широкая двуспальная кровать, накрытая светло-бежевым покрывалом, была довольно низкой, чтобы под нее мог кто-либо залезть.

Дверь, что была буквально напротив входной, была распахнута и открывала взгляду комнату девочки с плакатами какого-то смазливового парнишки на стене – там тоже было пусто.

– Проверь туалет, – негромко скомандовал Виктор.

Сержант, щелкнув выключателем, заглянул в крохотный санузел, сверкающий кафелем и хромированными трубками, и молча покачал головой.

– Кухню проверь... – приказал Виктор, не сводя глаз с обломков выбитой двери.

И тут затрещал мобильный. Раскатисто, громко, переливчатой трелью. Виктору и смотреть не нужно было на экран – он по мелодии мог узнать, что звонит Алёна, жена.

И как же не вовремя....

На стене коридора появилась чья-то тень – и тут через разлом двери буквально в нескольких шагах от нее появилось ЭТО.

Хозяин квартиры, а капитан был уверен, что это именно он, больше всего напоминал персонажа какого-нибудь ужастика – в дешевом костюме, заляпанном бурыми пятнами, со страшными ранами на руках и вымазанным кровью лицом. Ну, ей Богу вампир из могилы поднялся! Сходству с вампиром придавал так же восково-бледный цвет кожи. Или это из-за падающего света так показалось? Но в любом случае в полностью окровавленном человеке не было ничего нормального.

Мобильный продолжал звенеть, выключить его – это на мгновение отвести взгляд от гипнотического взгляда белесых, ничего не выражающих, но ужасно пугающих глаз.

Телефон все названивал, начиная раздражать, и Виктор все же полез левой рукой в карман и, нащупав нужную кнопку, тут же ее нажал. И это словно послужило каким-то сигналом. То, что когда-то было человеком, уверенно зашагало в сторону милиционера, не смотря на предупреждающие крики Виктора.

– Стой, урод, стрелять буду! – но слова не возымели никакого действия. Одним движением сняв с предохранителя пистолет, капитан выстрелил, как и положено вверх, но эффекта это действие не возымело. Обычно пистолетный выстрел отрезвлял дебоширов, да что там выстрел! Просто ствол в руках уже направлял восприятие действительности в нужное русло. А тут словно ничего и не было.

Из кухни на звук выстрела выскочил Олег, резко затормозив и чуть не свалившись по инерции прямо под ноги хозяину квартиры, который неуклюже пытался перешагнуть через остатки поломанной двери. Удержавшись за стену и вернув себе равновесие, сержант, нервно сжимая бесполезную в этой ситуации дубинку, застыл, вытаращив глаза на окровавленного мужика.

– Мля! Что это за упырь!

Еще один выстрел, но уже на поражение.

По всем признакам хозяин квартиры, получив пулю в грудь, сделал шаг назад и, потеряв равновесие, свалился на перевернутое колесиками вверх кресло. Но тут же начал подниматься, неуклюже облачаясь на изгрызенные руки. Собаки его что ли грызли? Никогда еще Виктор не видел таких ран. Мужик, наконец, поднялся и практически вплотную подошел к дверному проему.

Капитан матюгнулся и снова выстрелил, только теперь уже в голову.

Кроваво – серое месиво из мозгов разлетелось по стенам и потолку.

– Чё за херня?! – по-бабьи взвизгнул Олег.

– Потом будем разбираться, здесь еще должна быть девочка.

Побелевший сержант снова выругался, согласно кивнул и, переступив через тело слегка пошатываясь, вошел в комнату.

Виктор последовал за ним. Сразу было видно, что здесь происходила борьба. Наверное, девчонка заперлась в этой комнате, но ее отец... или то, что им было... быстро выломал дверь – прессованный картон сломать было проще простого – достаточно нескольких сильных ударов. Дальше девчонка пыталась отгородиться немногочисленной мебелью, что была в гостиной – журнальный столик был перевернут, а пуфик и вовсе валялся в дальнем углу. Судя по огромной луже крови, папаша все же ее настиг. Но где же девочка?

– Балкон! – подсказал Олег, подбегая к перепачканной в крови занавеске и одергивая ее. В самом дальнем углу, на корточках, скрутившись, сидела худенькая девочка, а рядом лежал ее телефон.

– Бегом к ней! – крикнул Виктор, а сам попытался набрать по мобилке телефон дежурного, но трубку никто не брал.

Из балкона донесся сдавленный вскрик, глухой звук удара, грохот упавших стеклянных банок и длинная тирада матюгов.

Виктор, наспех запихнув телефон в карман, бросился к двери, ведущей на балкон, но Олег уже выскочил оттуда, держась за руку.

– Она меня укусила! Эта сучка меня укусила! – бешено вращал глазами сержант.

– Уймись! Пойди, промой рану. Ничего с тобой не случится, – отмахнулся от него Виктор и вышел на балкон, где медленно с четверенек поднималась девочка. Облегченно вздохнув, он поставил ПМ на предохранитель. Джинсы на правой ноге девчонки были порваны и пропитаны кровью, на правой руке отсутствовали два пальца – мизинец и безымянный, а сама рука была вся искутана и залита запекшейся кровью. Девочка нуждалась в срочной медицинской помощи. Да и сеанс психолога ей тоже не повредит. Совсем уже одичала!

– Тихо-тихо, – сказал Виктор, выставив вперед левую руку, пытаясь не испугать подростка. – Спокойно. Милиция. Это ведь ты звонила?

Девочка подняла голову, и капитан снова увидел такие же безумные, страшные нечеловеческие глаза, как и у ее отца, и у бомжа в «обезьяннике». Девчонка засипела и вытянула беспальную руку, пытаясь схватить милиционера.

Мужчина отшагнул назад, одним движением пальца сняв пистолет с предохранителя и, целясь строго между глаз, выстрелил. В этот раз он даже не стал выкрикивать предупреждения. Просто нажал на спусковой крючок. Пуля вошла чуть выше переносицы, раздробила затылок и, вылетев, разбила балконное стекло, которое тут же осыпалось на улицу. Легенькое девичье тело упало, завалившись на спину, едва не выпав через разбитую раму.

Виктор подскочил к разбитому окну и гаркнул высунувшемуся на звук выстрела из окна машины водителю, чтобы тот поднимался. Сержант кивнул, моментально выскочил, захлопнул дверцу и стремглав бросился к подъезду, придерживая головной убор.

Опер достал из бокового кармана куртки помятую пачку сигарет. Откинув клапан, зубами достал сигарету и, положив обратно пачку, захлопал по карманам в поисках зажигалки, которая куда-то запропастилась. И только сейчас заметил, что до сих пор держит в руке пистолет. Хмыкнув, Виктор поставил «ствол» на предохранитель и засунул в наплечную кобуру под курткой. Зажигалка как на зло не находилась, поэтому он воспользовался спичками, лежащими возле полузаполненной пепельницы на подоконнике балконного блока – видать, хозяин квартиры был курящим.

Жадно сделав первую затяжку, капитан инстинктивно стряхнул пепел на пол, сел на порожек балкона, облокотившись на косяк двери.

Н-дааа... Вот это жопа! Только сегодня не позавидовал попадосу Смирнова, как сам облажался в два раза круче. И тут труп по-тихому не прикопаешь... Свидетелей-соседей вон сколько, одна бабка-КГБ-шница чего стоит! А уж тем более вальнуть ребенка! Пипец!!!

Щелчком пальцев откинув «бычок» через разбитое окно и покосившись на труп девочки, Виктор сделал три глубоких вдоха-выдоха и задумался.

А теперь давай спокойно прокачаем ситуацию...

Судя по всему, мужик напал на девчонку, та закрылась в комнате, он вышиб дверь, девочка попыталась прорваться на балкон, однако ему удалось ее схватить и пару раз укусить. После чего девчонке все же удалось выскользнуть и спрятаться на балконе. Не понятно только, почему мужик не смог зайти туда, изнутри запереться не было возможности, просто сработал небольшой магнит, держащий дверь закрытой. Потом раненный ребенок позвонил в милицию

и умер, скорее всего, от потери крови. Ну и превратилась в такую же тварь, которая ожила при появлении Олега....

Так! Стоп! Не понятно еще, что за зараза могла попасть в рану – в человеческом рту полно бактерий, которым только дай повод... Но прививку от столбняка сделать не мешает. Нужно срочно в больницу!

Виктор поднялся и вернулся в прихожую. Старин держался за прокушенную ладонь и теперь красноречиво делился впечатлениями с ВэВэ, который все косился на потеки мозгов на стене. Кровь стекала меж пальцев и капала на светлый ламинат в прихожей.

– Так, – повернулся он к Володину. – Пулей в машину, свяжись с дежурным – сообщи, что у нас два жмура. Пусть вызывает экспертов, прокурорских и труповозку.

– Ага, – кивнул Вовка. – А что здесь...

– Бегом давай! Все вопросы потом. И на обратной дороге аптечку прихвати.

Водитель выскочил на площадку

– Ты как? – задал вопрос Виктор.

– Что это было? – ошалевший сержант все еще был бледным. Странно, что он не проблевался, но испугался здорово – глаза до сих пор были по пять копеек.

– Пока не знаю. Как ладонь?

– Кровит. Я ж к ней подошел, хотел помочь встать, за плечо взял, а она голову повернула и ка-а-ак грызнет меня, сучка недоеденная! Я от неожиданности чуть в обморок не наложил... так эта стервь повисла зубами на мне, как собака. Я и пнул ее, так, что та отлетела херовым спутником. Да я и сам по инерции отлетел, только в другую сторону, врезался в стеллаж с банками... спиной, мля, приложился! Хорошо хоть куртка толстая... Что ж теперь будет то? – переключился на другое сержант. – Нас же прокурорские заключают, бумажками тут не отделаешься... два трупа!

– Не истери! Самому тошно.

На лестничной клетке послышался грохот тяжелых ботинок, в квартиру ввалился запыхавшийся ВэВэ.

– Связался с дежурным?

– Ага. – Кивнул тот, протягивая автомобильную аптечку раненному. – Хрен его знает, когда будет труповозка, а нам ехать на еще один вызов. Здесь останется участковый, его территория – пускай его штаны и преют.

– Как так? – Удивился капитан такому решению. Да обычно при таких обстоятельствах (конечно, расстреливать в упор подростков Виктору довелось впервые) предстояли нехилые разборки и заполнение кучи бумажек, а тут... все бросай, беги дальше. Все чудесатее и чудесатее. – А вызов куда?

– Бреста, 17. Во дворе какая-то потасовка.

– Да что ж им сегодня нейдет, уродам?! – воскликнул Олег, перевязывая ладонь бинтом из автомобильной аптечки.

– Ниче, заодно и в поликлинику заедем – пусть твою рану глянут да прививки нужные сделают. Ладно, погнали наши голубых!

– А участкового дожидаться? Бумажки всякие? – недоуменно вкинул брови ВэВэ.

– Тебе Миха что сказал?! Срочно? Значит, срочно. А пока дверь прикроем аккуратненько. Под мою ответственность. Погнали!

Героев Бреста, 17 располагался, как и многие дома этого района, полукругом, но в отличие от предыдущего места вызова подъезд искать не пришлось. Не успела машина въехать на узкую дорогу двора, как из балкона второго этажа показалась бабулька (да что они на балконах Пост № 1 несут, или в стране сериалы закончились?) и активно замахала, показывая, куда надо ехать.

– Ох уж эти бабки! – вздохнул Вовка. – Нет, чтоб как все нормальные пенсионеры сериалы смотреть... Я пока в машине сидел, так та, с балкона, мне всю плешь проела со своим ссыкуном. Пришлось радио врубить.

– Сериалы обычно по вечерам крутят, – ответил Олег. – Я с одним корешем так познакомился. Тянул он витуху – цивилизацию несли в массы, и-нет, то бишь. А в его бригаде был мужик – под два метра ростом, в камуфляже и с черной бородищей. Так местные активистки, вспомнив свою молодость и плакаты с призывами быть бдительными, дождались пока «чечен-террорист» залезет на чердак по своим монтажным делам и заперли его там, вызвали милицию со словами, что задержали террориста. Ну нас, естественно, моментально «в ружье» и сюда. Начальство в предвкушении премий за поимку террориста потирает руки, а тут такой облом. Короче, мы в этот дом еще пару раз приезжали – «божий одуванчик» на монтажников с топором бросался – ее кабель облучал. Кхе-кхе... – закашлялся Олег.

– Ты там как? – не поворачивая головы, спросил водитель, аккуратно объезжая припаркованный у обочины здоровенный черный BMW. Не дай бог поцарапать – всю жизнь расплачиваться будешь.

– Да нормально, душноовато только.

– Какое душноовато? Окна нараспашку, – возмутился Володин. – Эй, смотрите, что это там?

Двор, как и тысячи других, не отличался буйством красок. Все те же обшарпанные пятиэтажки с разномастными балконами, цветочными клумбами, где любят ковыряться тетки пенсионного возраста, усыпанными окурками да пустыми бутылками, серые унылые деревья, среди которых, конечно попадались распутившиеся абрикос и алыча. Но в целом, создавалось впечатление унылости и безысходности.

Справа к дороге примыкал крутой склон небольшой возвышенности, на которой и находился тот самый пустырь.

– Ни фиги не видно! – проворчал Володин, выглядывавший из приоткрытой двери.

– Ладно, ребята, на выход. А ты, ВэВэ, сиди здесь.

Парни выбрались из машины, стараясь громко не хлопать дверьми. Во дворе было относительно тихо, только собака невдалеке брехала, но никаких посторонних шумов, соответствующих драке, не было. Капитан с сержантом поднялись по небольшой лесенке, ведущей на возвышенность двора. Наверху, среди деревьев, где было несколько лавочек и остатки детской площадки давно раздолбанной забулдыгами и неприкаянной молодежью, были видны две фигуры, склонившиеся над третьим.

– Что они делают? Вроде ж бабка вызывала на драку... – дернул за рукав Старина Никитин.

Невдалеке в районе гаражей застерила автосигнализация.

– Может тот сознание потерял? – предположил Старин.

И, действительно, один лежал на спине, нелепо раскинув руки, а двое других склонились над ним и то ли нюхали его, то ли искали что-то, то ли... Вовка присмотрелся и выкрикнул:

– Да они же жрут его! Вон, смотрите, этот в пальто за руку лежачего держит и куски вырывает... зубами... Я шас рыгану!

На бомжей или алкашей те не были похожи. Судя по одежде, один из них был молодой парень в стильном сером полупальто и джинсах, на которых налипло немного грязи, оставшейся после недавних дождей. Второй же был дворником – салатный форменный жилет поверх старого бушлата-«афганки» с надписью «Озеленитель» сразу же бросился в глаза. Странная компания.

– Мля, точно жрут... Бред какой-то...

– Так, близко не подходим. Если что – мочи в БОшку. Не хотелось бы, чтобы они набросились...

– Понял! – пробормотал сержант, трясущимися пальцами расстегивая кобуру. Стрелять вот так сразу в людей ему было непривычно, то ли дело дубинкой...

Когда между милиционерами и странной троицей оставалось метров пять, Виктор знаком приказал остановиться.

– Эй вы, двое, встали и отошли от тела! И грабки-то задержите! – на всякий пожарный крикнул он, но те продолжали давиться, отгрызая куски плоти, судорожно их глотая, и не обращая никакого внимания на предупредительный крик.

Желудок Олега не выдержал, спазмы скрутили парня и того вырвало прямо себе под ноги. Он только и успел, что отвернуться от Виктора да наклониться, упираясь руками себе в колени.

– Да что ж это за ерунда творится? – практически простонал он.

Виктор следил за жрущими мужиками и чувствовал, что сам сейчас присоединится к сержанту, хотя желудок был пуст, все его содержимое осталось на полу в отделении. Вот отгребет же от Никифоровны – бабки-уборщицы... Никитин сделал шаг в сторону, чтобы кислый запах содержимого сержантского желудка не раздражал его обоняние и трижды выстрелил – в воздух и по головам. Мля! Четыре трупа за последние полчаса – это чересчур... Нелогичность всего происходящего не давала покоя. Что это за хрень?! Почему эти двое с таким упоением жрали третьего? Да и не только они! Девчонка то с предыдущего вызова тоже попыталась хапнуть пэпса.

Сержант выпрямился, утирая рот непонятно откуда взявшимся носовым платком. Он был бледный, на лбу проступили капельки пота.

– И этого... на всякий случай, – невнятно пробормотал Олег и выстрелил в лежащего и слегка пожеванного мужичка.

– Ты че, ох...ренел?! А вдруг он был живой?! – гаркнул капитан, отталкивая вялого сержанта и подбегая к телам.

Хотя какое там! Даже без выстрела пэпса, вряд ли с обгрызенной до костей шеей мужик мог бы выжить. Хотя бомжу вон артерию перегрызли, а он ручонки то свои тянул через решетку. И снова лужи крови, вывалившийся человеческий ливер, белесые потухшие глаза и следы укусов на телах. А невдалеке из-за гаражей показалась одинокая фигура...

– Оп-па! Смотри, еще только утро, а он уже назюзюкался... – тыкнул пальцем в сторону Олег, пришедший уже в норму.

Виктор присмотрелся – человек был далековато – глаз не рассмотреть, но его походка и прерывистые движения не понравились мужчине. Ой, не понравился он Виктору. А почему? Да шут его знает! Просто привык капитан доверять своему внутреннему голосу или интуиции – зовите как угодно.

– Давай в машину – в поликлинику съездим. Да и дежурному нужно доложить.

На известия о еще трех трупах Миха никак не отреагировал. Сказал, чтобы возвращались в отдел, а за трупами потом приедет машина. Голос у него был нервный и даже через рацию сквозили усталость и раздражение.

– Ладно, мужики, давайте сначала к доктору, а потом уже в отдел. Нужно про этих людоедов доложить.

Володин надавил на газ и «бобик», рыча движком на весь двор, медленно тронулся вдоль дома. Этот район был водителю хорошо известен, поэтому особо петлять между домами не пришлось.

– Щас аккуратнее, колдобина на всю дорогу... – под нос себе пробурчал Володин, сбавляя скорость и аккуратно проезжая яму. – Ну вот, щас уже будем на месте.

На улицу Бориса Михайлова свернули в полной тишине – говорить после всего увиденного не хотелось абсолютно, да и радио тоже не включали – не до слащавых песенок сейчас,

а «хэви металл» на радиостанциях не ставили. Водитель проехал до кольца, что соединяло три основные улицы этого района: Бориса Михайлова, проспект Героев Сталинграда и улицу Борисова, там развернулся, предварительно пропустив автобус, и направился в сторону Портовой поликлиники.

– Тормози! – рявкнул Виктор, как только заметил непонятно откуда взявшуюся фигуру в белом, которая выскочила из-за серой будки ларька. Володин был отменный водитель – и мгновенно ударил по тормозам, по инерции завалившись грудью на руль.

– Дура! Тебе жить надоело? – Одновременно выскочили из машины сержант и капитан, который больно приложился лбом о торпеду, не успев выставить вперед руки.

– Помогите! Там такое творится!!! – запричитала босоногая молодая девушка в замусоленном медицинском халатике и порванных колготках. Колени у нее были содраны, руки в крови, хоть видимых ран и не было заметно, да и подол халата был весь в бурых разводах, похожих на кровь.

– Что случилось?

– Не знаю! – начала рыдать та, размазывая тушь по лицу, – я ничего не поняла. Я была в кабинете, ждала врача – Алину Петровну, когда услышала крики о помощи, визги и грохот, я вышла, спустилась на второй этаж и заглянула в коридор, а там Там был просто ужас! – девушка зарыдала еще громче. – Я и еще две пациентки, что ожидали своей очереди, закрылись в кабинете... вернее, там такой предбанничек для ожидающих... и это я их закрыла. А потом одна из пациенток начала скандалить, кричать, что по судам затаскает меня за то, что я не даю ей выйти, но она-то не видела того, что видела я. Я пыталась ей объяснить, честное слово! Но она как будто и не слышала меня! Я и открыла ей двери – лишь бы заткнулась...

– Ничего не понял... кто кого закрыл-открыл? – покачал головой ВэВэ.

– Так, садитесь в машину и спокойнее, пожалуйста. И так голова кругом, а тут еще и вы со своими «открыл-закрыл».

Девушка торопливо села на заднее сиденье, продолжая шмыгать носом. И без того не шибко длинный халатик и вовсе задрался, оголив стройные ноги в подранных колготках. Олег заценил ноги и удовлетворенно хмыкнул. В другое время девчонка точно бы сказала какую-нибудь колкость, как обычно осаживала незадачливых ухажеров и желающих познакомиться, но сейчас она даже не заметила взгляда пэпээсника.

– Ну, так что там произошло? – потирая ушибленный лоб, поинтересовался Виктор.

– Они... произошли... – медсестра дрожащей рукой показала в сторону приближающихся фигур. – Я от них убегала.

Парни глянули туда, куда указывала девчонка, и обалдели – в их сторону медленно плелись окровавленные люди, среди которых легко угадывались медработники, в своих форменных халатах и костюмах, на которых еще более явно была видна кровь. Но среди них было много и обыкновенных граждан, посетителей клиники.... Виктор разглядел в толпе даже сгорбившуюся старушенцию, которая хоть и медленно, но для своего возраста довольно бодро вышагивала с неестественно вывернутой шеей.

– Ох...еть! – прокомментировал картину водитель. – Вот и не верь после этого фильмам...

– Володин, заткнись и дави на газ, а вы, барышня, рассказывайте все по порядку. Что у вас там в поликлинике случилось? Вас как зовут?

– Аня, – прошептала медсестра и начала сбивчиво рассказывать...

Прошло около получаса, как она открыла двери взбалмошной пациентке, крики и шум не умолкали и длились еще около двадцати-тридцати минут, а потом все стихло. Пациентка – молодящаяся женщина в сером костюме с довольно откровенным декольте и профессионально наложенным макияжем – оказалась разумным человеком. И словам перепуганной медсестры поверила сразу же. Ну, даже если и не поверила, то виду не подавала и, в отличие от второй паци-

ентки, сразу же бучу поднимать не стала, а постаралась сама понять, что могло случиться. Ведь глаза у медсестры Ани были такими дикими, да и крики внизу долго не смолкали... поэтому, у нее не возникло желания лично проверять правдивость истории медсестры.

Две женщины тихонько сидели за закрытой дверью. Аня пыталась дозвониться в милицию, но было постоянно занято, телефон ее парня тоже не отвечал. А у пациентки, как назло, с собой мобильного и не оказалось. Что делать, женщины не знали. Аня выглянула из предбанника, но на лестнице никого не было, а двери на этаж были закрыты – вход на него был с другого конца коридора.

Осторожно ступая, медсестра спустилась на пролет второго этажа. Покрытые белой краской, на фоне которой так явно были видны кровавые следы от ладоней, будто кто-то проходя мимо ладонью мазнул, металлические двери были распахнуты. Но Аня помнила картину, которую наблюдала на втором этаже, когда один из врачей впился в горло женщине и откусывал куски плоти, а из артерии хлестала кровь, заливая все вокруг. Анну тогда вырвало прямо на лестничной клетке.

Стараясь не вступить в дурно пахнущую лужу и не прикасаться к пятнам крови на перилах, медсестра заглянула на этаж и тут же отпрянула. Стулья, те, что раньше стояли возле кабинетов, были перевернуты. На полу в луже собственной крови лежала женщина – это было понятно только по виднеющемуся платью, потому как над телом на корточках сидела целая толпа людей, которые кто зубами, кто руками отрывали куски мяса и запихивали себе в рот. Те, кто мог дотянуться просто зубами, вгрызлся в тело женщины, остальные пытались руками вырывать куски плоти. По направлению к этой толпе медленно заковылял завхоз Петрович, показавшийся из соседнего кабинета. Хотя он всегда отличался бодренькой походкой как для семидесятилетнего пенсионера, подрабатывающего завхозом при поликлинике, потому как на нищенскую пенсию прожить было не возможно.

От неожиданности и испуга Аня сделала шаг назад и поскользнулась. Вскрикнув, она попыталась удержать равновесие, пытаясь удержаться за дверной проем, но рука только скользнула по чему-то вязкому. Чем только привлекла к себе внимание, свалившись прямо в дверной проем. Стараясь как можно быстрее подняться, брезгливо морщась от липкой и дурно пахнущей субстанции на одежде и пытаясь вытереть замазанную в крови руку о собственный халат, медсестра и не заметила, как Петрович повернул голову в ее сторону и начал двигаться к ней. Только непонятный скрежет заставил девушку поднять глаза – завхоз уперся в перевернутый стул и вместо того, что бы просто переступить через него, тупо пер прямо на девчонку, толкая злосчастный стул перед собой, отчего тот и издавал противный звук.

Девушка в ужасе вскрикнула, как замороженная уставилась в лицо дедка и попыталась подняться, но ноги не слушались ее – она только неуклюже плюхнулась на попу. Один шлепанец слетел с ноги, и одевать его обратно просто не было времени. Анна смотрела в страшное лицо завхоза и медленно отползала назад, пока не уткнулась спиной в решетчатые перила лестницы. И только теперь она поняла, что либо она сейчас берет себя в руки и пытается убежать, либо остается трястись и просто погибнет. Перспектива умереть в неполные 22 года ее не прельщала. Медсестра перевернулась на четвереньки и, опираясь на прутья перил, поднялась. Здравомысленно рассудив, что в одном шлепанце далеко не убежишь, она нервно дернула ногой, сбрасывая второй теперь уже только мешающий шлёпок.

В проеме дверей показался скалящийся Петрович... Анну спасло лишь то, что перевернутый стул застрял, не дав завхозу сразу кинуться на девушку. Но окровавленный старик не сдавался, он тянул руки и пытался сдвинуть преграду, отделяющую его от добычи, пока не потерял равновесие и не полетел вперед головой прямо на замершую Аню. Девчонка инстинктивно отскочила в сторону и стремглав бросилась вниз по лестнице, молясь всем известным богам, чтобы не упасть.

Проектировка поликлиники была немного странной – небольшой квадратный холл, в котором размещалось сразу 2 аптеки, вправо уходил небольшой коридор, шириной метра 3. Влево – совсем узенький – не больше полутора метров аппендикс, ведущий на лестницу, по которой можно было подняться на 2 и 3 этажи. Широкий коридор, конечно, тоже заканчивался лестницей, но Аня очень редко им пользовалась – кабинет, где она работала, был совсем в другой стороне.

Осталось проскочить узкий коридорчик и тогда девушка выбежит в холл больницы. Но едва уловимое движение тени на стене коридора заставило спешащую девушку остановиться. Сердце бешено колотилось, кровь стучала в висках, а пальцы тряслись. Нервно обернувшись на звук, Аня с ужасом увидела как существо, бывшее когда-то завхозом, скатилось по лестнице на пролет меж 1 и 2 этажом. И теперь ее с ужасной тварью разделяли лишь каких-то 10 ступенек. В воздухе стоял тяжелый запах крови и рвоты.

О том, что будет с оставшейся наверху пациенткой, девчонка не думала – самой бы уцелеть. Да и возвратиться за теткой просто не было возможности, пока Петрович преграждал дорогу.

– Ну, с Богом! – выдохнула девушка и выглянула в узкий коридор. Ее тут же попытались схватить чьи-то руки, но медсестра и сама не поняла, как умудрилась вывернуться из-под свалившегося на нее человека и прошмыгнуть мимо.

Кто ее пытался схватить, она даже не заметила, да и какая разница? Сейчас главное было вырваться на улицу и бежать подальше от этого филиала преисподней.

Стекло регистратуры было разбито и заляпано кровью, на полу валялись разбросанные бумажки и верхняя одежда, а тусклое освещение придавало еще более зловещий вид этому зрелищу. И везде кровь... В аптечном киоске, что располагался справа от входа, никого не было, только дверь поскрипывала от небольших толчков. Что толкало дверь, Аня не стала смотреть – да и не до того было. Появление девушки привлекло внимание медленно бродящих среди всего этого хаоса людей. Как по команде они все повернули головы в ее сторону и, почуяв добычу, попытались ее поймать. Но девчонка шустро увернулась от ближайших нападающих и рванула прямо к выходу – благо, холл не был такой уж и большой – всего лишь метров пять. Входная дверь была довольно тяжелой, но с разбегу Аня с легкостью ее оттолкнула и выскочила на улицу, где тут же полетела кубарем на асфальт, споткнувшись об откинутую руку лежащего окровавленного тела, над которым сидело другое существо и усердно обгладывало тому лицо. Почему существо? Да потому что люди не едят друг друга! Вся сущность девушки кричала, что это ненормально, так не бывает... но глаза говорили обратное.

Анна завывала в ужасе, подскочила как ужаленная и, не смотря на стертые колени и ладони, рванула по лестнице к дороге, где как раз показалась милицейская машина. И как раз вовремя – в проеме двери показался первый окровавленный человек, а тот, о которого Аня чуть не споткнулась, повернул в ее сторону голову, замер на какую-то секунду и поднялся, направившись вслед за бегущей девушкой.

10.30 Роддом №1, Стрелецкая бухта

Заступивший сегодня ночью на дежурство акушер-гинеколог Алексей Михайлов устало опустил на стул. Только одиннадцатый час, а он уже успел принять трех младенцев и около пяти мамаш отправить в предродовое отделение.

– Как подурели сегодня, – сгоряча пожаловался он молодой медсестричке, наливающей в чашку с засыпанными гранулами кофе кипяток.

Чашка, по мнению Алексея, была кошмарная – ядовито-желтая с веселенькими улыбающимися цветочками... в общем страшный сон наркомана. Но Машеньке – этой самой медсестре, работающей здесь, в родильном, лишь пару месяцев, она очень нравилась. Ну не оби-

жать же человека намеком на полное отсутствие у него эстетического вкуса. Тем более, если это двадцатилетний человек с третьим размером груди и очень аппетитной попкой.

Кисловатый запах разнесся тут же по комнатухе – видать опять нормальный кофе закончился и теперь приходится допивать этот шмурдяк.

– Ты представляешь, рождает сегодня одна, вроде ее в 3-ю палату отправили... Весь процесс орала как потерпевшая, я думал, что оглохну нафиг... То убейте, то яду дайте... короче оперный концерт в сольном исполнении. Наконец-то все закончилось. Повезли ее зашивать, а она не дается! Дергается, орет, чтобы не трогали. Я ее уже и так, и эдак и уговорами, и угрозами позвать санитаров – все мимо. Потом плюнул и говорю: «Если не зашью, то тебе ТУДА мужик вместе с яйцами провалится».

– А она что?! – поперхнулась от смеха Машенька – и на ее щеках заиграли прелестные ямочки, которые притягивали к себе взгляд молодого врача.

– Да что-что... Сказала, что больше никогда к себе тех, кто с яйцами и близко не подпустит.

– Да уж! И часто у вас, Алексей Иванович, такие казусы случаются? – сверкнула глазами медсестричка, тут же, словно от смущения, опустил взгляд.

– Да как ни роды, Машунь, так свои приколы. Вон, сегодня в 7 утра родила – вчера вечером проезжая мимо нас почувствовала непонятный ощущения – ну и на всякий пожарный заехала, а у нее раскрытие, представляешь, уже 5 см! А она ни в одном глазу! Другая бы уже корчилась на ее месте от боли...

– И что она ничего не почувствовала?

– Нет! Спокойно мужу объявила, что ты, мол, дуй домой за шмотками, а я, пожалуй, схожу по-бырику рожу...

– Да уж... А я вон проходя мимо родовой слышала надрывное пение, – поделилась девчонка. Допив кофе, она грациозно поднялась и отнесла чашку в эмалированную раковину, что стояла на тумбе в углу кабинета.

– И что за репертуар нынче в моде у молодежи? – оторвался Алексей от созерцания женской попки, прикрытой одним халатиком.

– Не поверите – «Там сидела мурка в кожаной тужурке...» Заглянула в палату – а там сидит офигевший муж и роженица вперемешку со стонами полустроевым шагом круги нарежет, горланя эту самую «Мурку».

– Эт еще ниче, вот когда «в процессе» тетка заорала «А-а-а-акапулька а-а-а-яяяй» мы там чуть все от смеха не свалились. – Или тоже. Родила одна уже, но сильно порвалась. Я шью ей, стараюсь аккуратно, чтобы побыстрее все зажило, а тут из коридора слышу крик «Алексей Иванович, ты где?», так и хотелось ответить в рифму – сдержался, чтобы не смущать пациентку.

Дверь в ординаторскую распахнулась и в нее заглянула запыхавшаяся и растрепанная Алла Морозова, которая тут же оценила романтическую обстановку, о чем назавтра будет знать весь роддом.

– Алексей Иванович, там с подозрением на замершую привезли!

– Иду!

Алексей махом допил пойло, немного скривился и в растерянности закрутил в руках чашку.

– Я помою, бегите! – тут же нашлась Машенька, с обожанием в лучистых глазах глядя на доктора. Ну как в такого было не влюбиться? Высокий, умный, душа компании и всегда с шутками-прибаутками... к тому же не женат. Вот и втрескалась молоденькая медсестра по самые уши, не смотря на пятнадцать лет разницы. Да и какая это разница?!

– Спасибо, Машунь, – подмигнул враз смутившейся девушке мужчина.

Алексей выскочил вслед за Аллой, на бегу уточняя информацию. Из головы тут же выветрилась и Машенька со своим третьим размером груди, и предложение позвать ее на чашечку кофе, плавно перетекающее в свидание. В голове теперь была только работа. В прочем, как всегда. Именно на ней и был женат Алексей Иванович, иногда изменяя той с женщинами.

Алла была женщиной не сколько полной, сколько сбитой, а уж походка у нее была и вовсе клоунская – она делала мелкие-мелкие шажочки, пытаясь прижимать коленки друг к другу как можно ближе, будто, пардон, обделалась. Но каким-то образом умудрялась передвигаться с удивительной скоростью, подмечать все мелочи и в красках делиться ими с окружающими.

– Так что там? Какой срок?

– Сорок одна неделя. Около двух часов назад перестала ощущать движения ребенка, хотя до этого, по ее словам, плод был довольно активный, потом ей стало плохо, потеряла сознание... Вызвали скорую. Но сегодня какой-то аншлаг! Скорая задерживалась... Ну, пока то да сё, муж попросил соседа подбросить к роддому.

– Понятно. Ладно, сейчас разберемся, а ты, Аллочка, пока передай, чтобы родзал готовили.

– Так уже все готово! – искренне возмутилась Алла такой оценке своей профпригодности.

Алексей Иванович стремительно зашел в приемный покой, поздоровался с дежурными, которых сегодня еще не видел, а потом уже повернулся к лежащей на кушетке пациентке. Девушка была одета в светлую водолазку и джинсы со специальной эластичной вставкой для увеличившегося живота. Ну хорошо хоть специальные штаны додумалась купить. А то ведь есть такие курицы, которые одевают джинсы с низкой посадкой, пережимая и кровоток, и нервные окончания... А потом приходят к врачам и жалуются на онемение в ногах...

Сразу же бросился в глаза ее нездоровый вид. Лицо было бледное, восковое, на лбу проступали капельки пота, глаза лихорадочно блестели, а дыхание было прерывистым... Такое чувство, будто у нее идет сильнейшая интоксикация организма. Но даже если плод и погиб, то за два часа такого сильного заражения просто не могло произойти...

– Так, на что жалуемся? – как можно миролюбивее и ласковее поинтересовался доктор, нацепив на лицо самую добродушную улыбку. Обычно женщины тут же таяли от этой улыбки и рассказывали все как на духу, некоторые даже умудрялись кокетничать, не смотря на свое интересное положение.

– На судьбинушку горькую, – криво усмехнулась пациентка.

– Ну, раз шутим, то помирать точно не собираемся.

– Доктор, вы главное, ребеночка спасите, – перешла на шепот женщина, покосившись на стоящего возле стола дежурной мужа – тот помогал заполнять бесконечные бланки, диктуя данные пациентки.

– Спокойно, мамаша. Что за паника? – Алексей достал из кармана халата деревянную трубку, как у доктора Айболита, и начал прислушиваться к плоду, прижимая один конец к выпирающему животу, а вторую к уху. Сердцебиения не наблюдалось. – Так, согните ноги.

Беременная послушно приняла нужное положение, позволив доктору обследовать методом пальпации положение плода.

– Ничего не понимаю... – пробормотал тот, обескуражено взглянув на пациентку.

– Доктор, что-то серьезное?! – тут же воскликнул муж роженицы и попытался прорваться мимо дежурной. Но не тут-то было – Алла Морозова стояла насмерть, как Брестская крепость на пути у фашистов, перегородив проход своей могучей грудью пятого размера.

– Алла, – только произнес Алексей и кивнул в сторону волнующегося мужчины. Медсестра сразу все поняла и начала спроваживать того из кабинета.

– Так, папаша, нечего тут панику разводить и жену пугать! Мешаете только. Подождите в общем зале.

– Но... – попытался было возразить мужчина, как за ним уже закрылась дверь.

Доктор хмурился, что-то бормотал про себя, он был встревожен, и это четко было видно по проступившим на лбу горизонтальным морщинам.

– Алла, пациентку на УЗИ. А вы, мамаша, аккуратненько поднимаетесь... вот так, – Алексей помог беременной встать с кушетки. Та была совсем вялая, как будто из ваты сделанная...

– Доктор, что со мной? – женщина и сама не понимала причины своего плохого самочувствия.

– Сейчас все узнаем. Пойдемте, сделаем ультразвуковое обследование, посмотрим, как там ваш малыш поживает...

Алексей повел еле передвигающую ноги женщину по коридорам роддома – нужно было пройти через всё здание, да еще и преодолеть две лестницы. Ну, вот какой м... чудак разместил приемный покой в одном крыле больницы, а кабинет УЗИ в другом? Да еще и половину дверей позакрывали на ключ – нужно десятиными дорогами обходить...

– Ой. Что-то мне совсем не хорошо... – простонала пациентка, заваливаясь на врача. Алексей среагировал мгновенно и успел подхватить ее, прежде чем женщина упала в обморок.

Вот это совсем хреново. Что ж это такое?!

– Эй, барышня! Как вас там? – доктор только сейчас понял, что даже не знает имени пациентки. – Эй. Придите в себя! Вашу ж Машу! Ну что сегодня за день-то такой?

Девушка медленно разлепила веки, непонимающе взглянув на доктора.

– Что со мной? – невнятно пробормотала она, еле шевеля губами. Фраза была больше похожа на «Шо са ной», но мужчина понял смысл сказанного.

– Ничего, ничего... Сейчас, мы уже близко... Идти можете?

Женщина еле-еле покачала головой.

Алексей вздохнул и, подхватив беременную на руки, как можно быстрее зашагал в сторону УЗИ-кабинета. Все же вес был приличный, и идти с ношей было тяжело. У доктора было чувство, что у него вот-вот пупок развяжется. А тут еще навстречу акушерка из родильного глаза выпучила. Еще бы! Такая картина! Местный ловелас тащит на руках беременную! Сто пудов завтра все будут шептаться по углам, что у него любовница залетела и вот-вот родит.

Алексей поудобнее перехватил девушку, заметив, что один из тапочек вот-вот слетит с расслабленной ноги.

– Мариночка, зайка, попроси-ка начмеда зайти в УЗИ-кабинет. – Елейным голосом заговорил мужчина, но тут же резко сменил тон на требовательный. – И поживей!

Акушерка растерянно кивнула и, развернувшись на 180 градусов, со всех ног помчалась к кабинету начмеда.

Под кабинетом ультразвукового обследования на процедуру, как всегда, собралась целая очередь из мамок с разнокалиберными животами – из-за «щедрого» финансирования в районных консультациях просто не было аппаратов УЗИ, поэтому все обследования проводились в роддомах, что создавало огромные очереди. Вот и сейчас мамки нервно перетаптывались на месте – лавочек на всех не хватало, поэтому срабатывал принцип «кто раньше встал – того и тапки». Но вид доктора, несущего на руках пациентку, так обескуражил болтливых пациенток, что даже разговоры утихли.

В затемненном кабинете Алексея уже ждала начмед – Татьяна Владимировна, полноватая женщина с тщательно уложенными волосами, лет пятидесяти.

– Что у вас, Алесей Иванович?

– Татьяна Владимировна, я просто в недоумении. – Доктор положил бледную женщину на кушетку, стоящую возле аппарата УЗИ. – Пациентка поступила с жалобой на отсутствие движения плода.

– Срок?

– Сорок одна неделя.

– Я прослушал ее стетоскопом – сердцебиения не слышно, но когда я пальпировал плод, то почувствовал шевеление. Да и выглядит пациентка не очень – потеряла сознание, бледность...

Начмед взглянула на тяжело дышащую роженицу, а потом снова на Алексея, пока врач-узист подготавливала аппаратуру к осмотру.

– Значит так, сейчас делаем УЗИ, и при любом раскладе кесарим – не нравится мне ее внешний вид. Вы прибыли по скорой?

– Нет, муж привез, – ответила девушка, едва выговаривая звуки.

– Вас как зовут?

– Маша.

– Хорошо, Маша, вы лежите, отдыхайте... А вы, Алексей Иванович, найдите мужа пациентки, пусть подпишет все необходимые бумаги, а я пока сама обследую ее.

Алексей кивнул и быстрым шагом вышел из кабинета.

Врач-узист начала медленно водить датчиком по оголенному животу, а Татьяна Владимировна по-матерински погладила женщину по холодному липкому от пота лбу, вглядываясь в экран монитора.

– Сейчас, моя хорошая... Люба, почему не слышно сердцебиения? Вы звук отключили?

– Нет, Татьяна Владимировна, я ничего не отключала. – Оператор аппарата УЗИ нажала необходимые клавиши, проверила все данные, но все равно результат не удовлетворял ее. – Я не уверена, но, по-моему, плод не подает признаков жизни.

– Что за чушь, Люба? Но я же вижу... вот на экране монитора видно движение.

– Сердце не бьется.

– Люба, а не мог аппарат сломаться?

«Вот только поломанного аппарата не хватало мне на голову!» – подумалось Татьяне Владимировне. Ведь и так скудное финансирование в этом году еще больше сократили. Дошло до того, что медсестры выпрашивали у мужей рожениц купить несколько десятков пар одноразовых перчаток.

– Что вы, Татьяна Владимировна?! – воскликнула оператор аппарата УЗИ. – Он как часики работает! Я же десять минут назад делала процедуру – все показывало, как положено.

– Понятно. Значит так, звоните в родовое – путь готовятся к операции и каталку сюда привезут.

Марию, состояние которой становилось все хуже и хуже, на этаж родового отделения доставили на специальном лифте, коих было два на все здание. Там же быстро перекатали каталку с девушкой в палату и переложили на стол, начав операцию кесарева сечения, как только началось действие анестезии.

Алексей Иванович, пациентка потеряла сознание – сообщил анестезиолог. Конечно, эпидуральная анестезия по-разному влияла на рожениц, но сознание теряли впервые.

Сейчас... – хирург зафиксировал нижний сегмент оголенной матки узелковым швом, отметив про себя неестественный цвет внутренних тканей, и четким быстрым движением произвел небольшой надрез, из которого фонтанчиком прыснула темная жижа, не имеющая ничего общего с околоплодными водами.

– Что за ...?! – воскликнула начмед, инстинктивно отпрянув назад.

Алексей бросил скальпель в подставленный ассистенткой судок и начал двумя пальцами расширять рану – чтобы извлечь плод.

– Пульса нет!

– Сейчас, уже вытягиваю! – Алексей погрузил четыре пальца в полость матки и, подхватив ребенка за ножку, начал извлекать того из утробы матери. Младенец отличался синеватой кожей, более насыщенного цвета, чем другие новорожденные, да и вокруг шейки была обильно намотана пуповина. – Обвитие. – Констатировал он. – Алла. Проверь все.

Врач передал ребенка медсестре и отошел от операционного стола – нужно было проводить реанимационные мероприятия.

Но, не смотря на все усилия врачей, пациентку Машу спасти не удалось. В 11 часов 21 минуту врачи констатировали ее смерть.

– Черт! – ругнулся Алексей. – Не спасли девчонку...

– Ладно, Алексей Иванович, уже ничего не поделаешь – зашивайте ее. – Алла, что там с ребенком?

– Ничего не понимаю. Малыш живой, но не кричит, хотя я и прочистила ему дыхательные пути. Не пойму... Пыталась прослушать сердцебиение. Но ничего не услышала... не понимаю, как такое может быть.

Алексей подошел к пеленальному столику, чтобы внимательно осмотреть ребенка. И, действительно, кожа была не такая, как у нормальных новорожденных. А глаза и вовсе как пленкой подернуты. Хотя глазки только что родившихся малышей и бывают мутноватыми, но не на столько!

– Татьяна Владимировна!

– Алексей Иванович, вы видите то же что и я?

– Если вы о трупных пятнах на ножках – то да... – растерянно пробормотал Алексей. – Давайте еще раз осмотрим младенца, потому что я ничего не понимаю. Где неонатолог? Вызовите его!

Врачи склонились над пеленальным столиком, абсолютно позабыв про умершую роженицу, которая уже начала возвращаться к жизни. К иной, не правильной и противоестественной «жизни».

Первой это заметила все та же Алла Морозова – не зря она всегда залихватски говорила, что у нее «глаз-алмаз». Женщина почувствовала, как волосы на затылке шевелятся, резко побледнела и округлила глаза, силясь что-то сказать, но из непослушного горла вырывалось только тихое сипение. Спина покрылась мурашками, а колени предательски задрожали. Все ее существо кричало, что такого просто не бывает и то, что она сейчас видит – неправда!

– Алла? – вопросительно уставилась на нее начмед.

– О, Боже! – проследив за взглядом медсестры, анестезиолог увидела пытающуюся подняться пациентку. – Скорей туда!

– Да что тут происходит?! – рывкнула начмед, растерянно глядя то на странного младенца, то на пациентку, которая ну никак не напоминала умершую.

Маша медленно поднималась, невзирая на то, что 5 минут назад констатировали ее смерть и, казалось, ее это вовсе не смущало. Так же как и открытая рана разрезанного живота с зажимами Кохера по краям раны, свисающим, будто новогодние игрушки на елке...

– Быстрее! – бросился к женщине Алексей, пытаясь уложить ее обратно на стол, но женщина проявила недюжинную силу и ловкость – дернулась навстречу мужчине и впилась зубами в основание шеи, повиснув на нем словно породистый бультерьер. Брызнула кровь, орошая зеленый костюм врача бурыми пятнами. Доктор закричал, и попытался было оттолкнуть сумасшедшую, но та цепко держала мужчину за плечи, сильнее и сильнее вгрызаясь в шею. Когда Алексей обмяк, присутствующие все еще не могли прийти в себя от столь кровавой сцены...

11.00 Андрей Доронин, Мыс Херсонес

Первый тревожный телефонный звонок застал бывшего капитана врасплох – мобила затрещала пулеметной очередью – такую мелодию Андрей поставил на своего давнишнего кореша, который сначала служил в специальной комендатуре по охране исследовательского реактора ИР-100, что располагался на холме близ поселка Голландия, в одноименной бухте. А

после перевелся в Киев, где благополучно служил в «Омеге»⁴ – спецподразделении Внутренних войск.

– Здравствуй, мой маленький мордатый друг... – как обычно начал было Андрюха, но собеседник его сразу же перебил и судя по тону вопрос был очень важным, потому как в обычное время Женька непременно не удержался и вернул бы шпильку приятелю, но сейчас тон его был сух и бесцветен.

– ЗдорОво. Не перебивай и слушай. Говорю сразу – я трезв как стеклышко, ничего не нюхал, не курил и не употреблял. Понял?

– Да понял-понял... Ты чего? – сразу же посерьезнел и Доронин. Еще бы! Веселенькое такое начало разговора. Сразу же появилась чуйка, что что-то случилось, и вряд ли перевернулась фура с халявными пряниками.

– Короче, в Киеве сейчас непонятно что творится. Официально – массовые беспорядки, проявление агрессии и нападения... В реале: хрен просышь...

– В смысле? – не понял Андрей. – Опять «ржавые» воду мутят? – Вспомнил он события 2004 года.

– Нет, ты не понял. Люди друг на друга бросаются. Ты телек вообще смотришь?

– Откуда в жопе алмазы? На хера мне этот говноязык?!

– Ну, так залезь в и-нет и набери в поисковике «беспорядки в Киеве», «люди жрут людей» или «зомби атакуют».

– Чего-о?! – непонимающе протянул Андрей. – Тебя там в твоей «Омеге» в последнее время по голове не били? В каком смысле «жрут» и «зомби»?

– В прямом. Ты фильм «Обитель зла» смотрел?

– Я такую хрень не смотрю, – возмутился Андрей, считавший себя настоящим ценителем киноискусства, а вышеупомянутый фильм он к таковому не относил. – Оно мне и на хрен не облокотилось.

– А зря, потому как такая хрень сейчас на улицах Киева и других крупных городов творится. У вас там как, тихо?

– А я знаю? Я сегодня выходной... – Доронин вдруг вспомнил утреннее прочтение новостей и ролик от Костика. – Но что-то на Форуме писали, что кто-то кого-то покусал, но я не читал толком. Так, пролистал. Слушай, а ты точно не прикалываешься?

– Доронин, ты меня знаешь – я зря огород городить не буду. Короче. Я не знаю, что это, но если на тебя кидается безумный дядька или тетка и пытается укусить – лучше быстро тикай оттуда, перебирая ногами, будто тебя понос прихватил. Потому как если он тебя укусит или поцарапает, тебе кранты. Сначала подохнешь, а потом станешь таким же – пойдешь кусаться дальше – и никакая Мила Йовович в красном мини тебе не поможет! У нас весь ментовский зоопарк⁵ на ушах стоит, даже «барсуков»⁶ в город ввели, – людей не хватает. Ладно, я тебя предупредил, а дальше твое дело – верить или нет, но в интернет лучше загляни. Давай. Удачи! – Андрей тупо уставился на плачущую трубку. Женька Мичурин никогда не отличался буйством фантазии и тягой к тяжелым наркотикам, но и балаболом он тоже не был. И тон, каким говорил Андрюхин корешан, не предполагал под собой шутку.

Андрей снова сел за компьютер и набрал в поисковике слова «зомби» и «Киев». Судя по всплывающим подсказкам поисковой строки, этот запрос инетерсовал не только Андрея. Первые же результаты заставили волосы мужчины зашевелиться во всех нескромных местах. Здесь были и статьи о нападениях обезумевших людей на других граждан, и видео с телефонов

⁴ Омега – спецподразделение Внутренних войск по борьбе с терроризмом

⁵ Ментовский зоопарк – спецподразделения МВД Украины и Внутренних войск «Сокол», «Грифон», «Беркут», «Барс», «Скорпион» и др.

⁶ Барсуки – военнослужащие подразделения Барс

очевидцев, на куче форумов обсуждалось происходящее на улицах городов. А самое кошмарное было то, что подобное творилось не только в Киеве – Андрей уже вспоминал утреннее видео из Москвы, да еще и поисковик сразу же подбросил еще пару сотен подобных роликов. Все чаще и чаще замелькали слова «зомби», «мертвяки» и «апокалипсис».

– Нет, ну это бред, – пробормотал Андрей, а его внутренний голос только скептически хмыкнул и посоветовал еще раз просмотреть вещественный видео доказательства.

Ошарашенный мужчина снова попытался набрать номер телефона Женьки Мичурина, но там было занято.

– И че теперь делать? – Андрей вдруг услышал сначала одиночный выстрел, а потом автоматную очередь и неожиданно для самого себя вздрогнул. Нельзя сказать, что звуки стрельбы в Севастополе были редкостью – менее чем в километре от Казачки был полигон российских морпехов, но сейчас лупили явно в части, что через дорогу от дома.

Бывший капитан бросился на кухню, откуда был выход на балкон – и попытался рассмотреть, что же там происходит, но ничего толкового, кроме суетящихся возле КПП солдат, он не увидел.

Андрей задумался. Если события в Киеве повторятся и здесь, то все будет очень не весело... А то, что события повторятся, он и не сомневался – не спроста эта стрельба за окном да и форумчане хоть и те еще приколисты, но дыма без огня не бывает.

Андрей заметил, что все еще сжимает в руке телефон. «Так, нужно на пульт отзвониться!» – подумал он, набирая выученные наизусть цифры.

Трубку подняли сразу.

– Алло! Агентство безопасности «Сапсан»...

– Лариса, это я, Андрей! – перебил оператора Доронин, не дав договорить заученную до скрежета в зубах фразу.

– А, привет-привет.

– Слушай, у вас там все нормально?

– Какое нормально! Вызовы по тревожным кнопкам посыпались как горох из мешка – группы не успевают, пришлось вызывать вторую смену. Дошло до того, что мужики на своих тачках приехали. Вот и тебе как раз звонила, но занято было. Так что давай, собирай манатки и арбайтен!

– Лора! Какой арбайтен?! У меня выходной! – мобильник пикнул, сообщив о приходе входящего смс – сообщения.

– Андрюха, какой выходной?! – возмутилась на том конце невидимого провода Лариса. – Людей не хватает! К тому же пообещали двойной оклад. Талоны на бензин дают.

– Неужели эти жлобы расщедрились? Щось у лісі здохло! Мабуть, лісник! – хмыкнул Андрей на слова Ларисы.

– Ну не знаю, кто там сдох, но директор обещал.

– Обещанного три гада ждут. А что в городе-то творится? А то я в своих чигирях...

– Да непонятки какие-то. То в магазин псих какой-то заскочил, кусаться полез, то просто возле объектов ошиваются и на людей бросаются. Вон, Костика один такой покусал... И Мишку... Мы их перебинтовали и дальше в поле. Надо будет позвонить, узнать, как они там да сказать, чтобы в больничку заскочили провериться.

Все. Кранты. Началось и у нас.

– Слушай, Лорик, мне только что кореш звонил из Матери городов русских. Так вот у них там такое же творится, только покруче... Говорит, что какая-то форма бешенства. Люди на людей кидаются, пытаются убить. Ты ребят предупреди, чтобы осторожнее были.

– А ты, часом, не того? – недоверчиво хмыкнула Лариса.

– Трезв, аки стеклышко...запотевшее. Так что давай, Лорик, не тяни резину в долгий ящик! Раньше кончишь – раньше слезешь.

– Ну, ты и пошляк! – попыталась возмутиться собеседница, хотя, работая в мужском коллективе, уже привыкла слышать подобные фразочки.

– Не пошляк, а похабщик! – поправил ее Андрей.

– Один хрен.

– Хрен- то один, да размеры разные!

– Да ну тебя! – не выдержала девчонка. – С тобой говорить не возможно! Давай, до свиданья!

Ну, вот и что делать? С одной стороны – двойная ставка и «чуйство долга», а с другой – собственная жопа, которая сейчас работала как радар на неприятности. Только красной мигалки не хватает и семафорящей надписи «Аларм! Аларм!» А уж что-что, а прислушиваться к своей филейной части Андрей привык. Пока она его еще ни разу не подводила.

– Ладно, будем считать это разведкой боем, – мужчина вышел с балкона, миновал прямоугольную вытянутую как пенал кухню, вышел в коридор, попутно включив там свет, и подошел к огромному шкафу в прихожей. В этом чудовище мебельного искусства хранилось все нужное и ненужное – по старой советской привычке.... А то мало ли что.

В недрах шкафа на деревянных плечиках висела его форма. Вот как ни странно, но будучи одиноким холостяком, бывший капитан не разбрасывал свои вещи и популярная среди мужского населения страны игра «найди вторую пару носку» его никогда не занимала. Все грязные носки, которые не протирались до дыр после суточной носки берц, мирно валялись в одной кучке в ванной комнате возле корзины с грязным бельем, испуская положенное им зловонное, заодно и от мух спасали. Чистые – покоились в соответствующем ящике. А учитывая, что Андрей использовал всего лишь два цвета – черные и светло-серые, которые закупал просто упаковками, то поиск второй пары не составлял особого труда. Одежда после работы всегда вешалась на плечики и пряталась в шкаф. Так отец приучил.

Вот и сейчас серо-синий камуфляж мирно соседствовал с черной разгрузкой, которая так нелепо смотрелась поверх ядовито-зеленой пластмассовой вешалки.

Мужчина быстро оделся-обулся, повязал на коротко стриженую голову черную бандану с эмблемой популярной рокерской группы. Огляделся: вроде ничего не забыл, снял с крючка связку ключей от дома и от авто, которое дожидалось его прямо под подъездом – гаражом Андрей так и не разжился, да и места во дворе не было, а рубить деревья на клумбе, как сделал сосед снизу, не хотелось, и вышел из квартиры, кляцнув выключателем у двери.

В подъезде было тихо. Ну а что? Кому шуметь? Дом относительно новый. Живут в основном действующие или бывшие военные, люди еще молодые. К тому же рабочий день... Перепрыгивая через три ступеньки, Андрей выскочил на улицу, чуть не сбив мамашку со второго этажа с карапузом наперевес.

– Простите! – откланялся он и нажал кнопку разблокировки центрального замка на брелоке. Машина послушно пикнула и подмигнула поворотниками. Андрей запрыгнул за руль, завел двигатель и снова вылез из салона чтобы покурить. И вновь со стороны части слышался треск очереди.

– Да что за черт? – даже не докурив, Андрей щелчком пальцев выкинул окурочек на землю и забрался в недра Ниссана. Двигатель тихо урчал на холостых оборотах, мужчина сместил рычаг коробки передач на первую скорость и легонько надавил на газ – машина плавно тронулась с места.

11.15 Гагаринское РО УМВД г. Севастополя

Минут через пятнадцать после того, как Виктор и сержанты подобрали медсестру Аню, милицейский «бобик» подъехал к воротам РО УМВД. Как ни странно, но ворота и калитка были закрыты, но при этом возле них кто-то дежурил.

Пока ехали от портовой поликлиники, Виктору несколько раз попадалась на глаза одна и та же картина – медленно бредущие или просто стоящие фигуры и в противовес им торопящиеся редкие прохожие.

Володин дважды посигналил и из-за забора вышел сержант в бронежилете, каске и с АКС-74 У на плече. Толком разглядеть, кто именно это из-за головного убора было трудновато. Сначала открылась правая створка, а затем настал черед левой.

Наконец, ВэВэ слегка надавил на газ и авто, взрыкнув двигателем, медленно въехало во дворик, отгороженный крепкими железными решетками, вырастающими из полуметрового бетонного основания, примыкающего к стенам двухэтажного здания отделения милиции, за которым виднелись две свечки-шестнадцатиэтажки, возвышающиеся как два истукана. Так же как и еще одно здание-высотка, принадлежащее к группе строений завода «Муссон», которое благодаря холмистости города видно практически отовсюду и служит отличным ориентиром в Севастополе, в народе именуемое одеколоном⁷ из-за круглого обтекателя станции спутниковой связи «Волна-М», расположенного на крыше.

Сам внутренний двор впечатлял своим внешним видом – будто это и не милиция вовсе, а парк в миниатюре – тротуарная плитка, идеально подогнанная друг к другу, небольшой фонтанчик, который включали только в летнее время, аккуратно подстриженный кустарник и цветущие деревца мирно сосуществовали со стендом «Их разыскивает милиция».

УАЗ остановился, скрипнув тормозами, и из него устало вылезли пассажиры, хлопнув дверцами.

– Так, Анна, вы с нами. – Виктор одернул подскочившую куртку и почесал переносицу. – Нужно рассказать полковнику Смирнову обо всем произошедшем в поликлинике.

– Хорошо, – согласно закивала та, дрожа уже от холода. Хоть погода стояла и теплая, но явно не предназначенная для прогулок босиком в легком халате.

– Бля, мужики, че то мне совсем херово... – пробормотал вылезший из авто Олег, лицо которого приобрело бледновато-землистый оттенок, опускаясь на бордюр. – Маркс заболел и умер, Ленин заболел и умер и я себя что-то плохо чувствую...

Виктор взглянул на него и сразу же отметил нездоровый внешний вид сержанта – лицо осунулось, лоб покрылся испариной, непонятно откуда взявшиеся мешки под глазами создавали впечатление, что Олег всю ночь бухал, а вот сейчас только очнулся.

– Давайте, я вам помогу! – бросилась к сержанту медсестра и попыталась закинуть его руку себе на плечо, чтобы помочь подняться, но тот только обиженно дернулся.

– Я что, умирающий, чтоб меня молодые симпатичные девчонки тягали на себе! – абсолютно не к месту начал хорохориться тот.

И впрямь, сержант с его двумя метрами в своей зимней куртке со светоотражающими полосками и надписью «милиция» казался вдвое больше и тяжелее, чем худенькая полураздетая девчонка, в которой весу от силы килограмм пятьдесят.

– Давай, облакачивайся на меня, – подставил свое плечо Володин. Он хоть был и помельче здоровяка-Олега, но все равно посильнее медсестрички. – Что болит то?

– Да ничего толком не болит. Даже рука. Просто херово... слабость какая-то накатила. Чувствую себя целкой после первого аборта...

Со стороны «Сильпо», не смотря на шум города, слышались крики и звук одиночных выстрелов. Виктор не знал, что делать – бросать все и бежать на выстрелы или же топать отчи-

⁷ Одеколон – одно из зданий завода «Муссон» со сферой на крыше – напоминает флакон одеколona, здание можно увидеть при въезде в Севастополь, а так же практически из любой точки города.

тиваться перед начальством. Но здраво рассудив, что один в поле не воин, поспешил на доклад к полковнику Смирнову, не забыв крикнуть Анне, чтобы та шла за ним.

Если с утра в отделе царил суматоха, то сейчас было тихо как в склепе, не считая орущего телефона и рации в кабинете за стеклом с надписью «Дежурный». Даже Миха отсутствовал на своем месте, что уже навевало на странные мысли. Виктор мельком глянул в сторону «обезьянника» – окровавленный дядька в подранном костюме и тот другой, с кляпом в пасти уже не стояли возле прутьев, они сидели на корточках над убиенным бомжом и жрали того, при появлении Виктора с Аней даже ухом не повели. Самое интересное, мужику со скованными наручниками руками удалось как-то кляп вытащить или выплюнуть, но руки все так же оставались за спиной. Лужа капитановой блевотины и брызги крови от перегрызенной артерии БОМЖа были затерты, а форточка открыта, но все равно в помещении стоял тяжелый запах блевотины, крови и еще чего-то непонятного... то ли трупного запаха, то ли... Виктор затруднялся сказать.

Девушка вскрикнула и инстинктивно спряталась за капитана.

– Пойдем. – Кивнул головой Виктор в сторону коридора.

– А почему вы держите тут этих?

– По кочану. Для опытов. Пойдем, быстрее.

Виктор зашагал в сторону кабинета шефа, откуда выскочил Миха Битковский, чуть не сбив капитана с ног.

– Здоров! Что там? – кивнул в сторону кабинета Никитин. Миша не ответил, а только замычал как тот самый мужик в клетке, пытаясь что-то сказать, а потом многозначительно замахал руками и рванул обратно в сторону своего рабочего места.

Виктор без стука ввалился в кабинет полковника, где уже сидели все замы и начальники отделов РОВД. Шеф многозначительно свел брови у переносицы, но выгонять не стал.

– Говори!

– Сергей Сергеевич, это медсестра из портовой поликлиники. Аня, заходи давай!

Девушка зашла, смущаясь устремившихся на нее взглядов, и кратко рассказала все, что с ней приключилось.

– Никитин, ну что ты за человек, а? – устало откинулся на спинку дорогого кожаного кресла шеф. – Ну почему ты никогда не можешь сказать что-нибудь хорошее? Вот в древности была хорошая традиция рубить головы гонцам с плохой вестью...

– Шеф, я...

– Ладно, с поликлиникой потом разберемся. Сейчас по делу. – Смирнов рывком выпрямил спину и взял белый листок со стола. – Короче так, из Киева пришла бумага... Зачитываю:

«Начальникам областных управлений, Главного управления АР Крым, Главных управлений г. Киева и Севастополя МВД Украины. В соответствии со сложившейся обстановкой на местах, с целью предупреждения распространения инфекции среди населения.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Перевести подчиненный личный состав на усиленный вариант несения службы, с пребыванием на казарменном положении до особого распоряжения.

Организовать оповещение и вызов сотрудников ОВД из отпусков.

Организовать нормальные бытовые условия для размещения личного состава на время усиленного режима несения службы.

Силами подразделений патрульно-постовой службы и приданных подразделений Внутренних войск обеспечить усиленную охрану общественного порядка. Не допускать и пресекать мародерство, выявлять инфицированных граждан. В случае обнаружения вышеуказанных граждан действовать в соответствии с п.7.

На основных улицах и в микрорайонах создать мобильные группы усиления, обеспеченные транспортом, средствами связи, травматическим и автоматическим оружием.

Личный состав мобильных групп усиления должен состоять из наиболее опытных и подготовленных сотрудников ОВД оперативного состава и спецподразделений.

В случае обнаружения инфицированных граждан сотрудниками ОВД – разрешается применение оружия на поражение без предварительного предупреждения.

В случае поступления информации об инфицированных гражданах от населения по линии оперативного дежурного и др. – организовать прибытие на место мобильных групп усиления.

Строго запрещается передвижение личного состава в ночное время суток в одиночку и без огнестрельного оружия.

Довести данное распоряжение в части касаемой до подчиненного личного

Контроль за исполнением возложить на Первого заместителя Министра внутренних дел Украины –

Министр Внутренних дел Украины....»

Теперь поясню. Подобное... – полковник кивнул головой в сторону окна, все еще продолжая сжимать лист в руках, – творится повсюду. Что это – не понятно. Предполагают, что какая-то форма бешенства. По наблюдениям и сводкам зараженные сначала умирают, а потом оживают...

– Вампиры что ли? – недоверчиво хмыкнул подполковник Киреев – замначальника по охране общественного порядка.

– Круче бери – зомби! А вообще, попрошу не перебивать! Все вопросы – после. Так вот, – продолжил полковник. – Пуля их не берет. Я лично видел как три выстрела из «макара» практически в упор не доставили никакого дискомфорта бомжу с перегрызенным горлом. Только после выстрела в голову он умер окончательно. Так что «указивка»⁸ приказывает всеми силами и средствами не дать распространиться этой заразе. Ну собственно и все... Всех не верящих прошу к «обезьяннику» – там закрыты как раз двое из этих...

– Э.. Товарищ полковник... – как первоклассник поднял руку Виктор, которого как токомшибануло от пролетевшей в голове мысли. Он понял, что ему не давало покоя все это время... мысли крутились-крутились в голове, пока не нашелся тот самый кусочек-пазл, позволивший сложить картинку воедино.

– Никитин, я же сказал, все вопросы – после. Ты тугодум что ли?

– Товарищ полковник, но это важно.

– Ну?

– Сержанта Олега Старина на вызове грызнула такая тварь за ладонь. Девку ту я пристрелил, но сержант...

– Где он?!

– Его Володин сопровождал. А где они сейчас – я даже и не знаю...

– Так, все за мной. Сами все увидите, чтобы не было лишних вопросов! – полковник неожиданно живо для своего возраста подорвался со стула и стремительно вышел из кабинета размашистым широким шагом. За ним один за другим выходили остальные.

– Битковский! – резко распахнул дверь в дежурку начальник отделения. – Сержант Старин где?

– Да в допросной...вроде. – Недоуменно пожал плечами Миша, не понимая, что пэпсы там забыли. – Его Володин туда повел... А то что-то видок у него...

Полковник, а вслед за ним Виктор, Анна и остальные зашагал в сторону допросной комнаты. Из-за закрытой двери слышались приглушенные звуки – как будто кто-то мебель двигал и приглушенную матершину. Смирнов кивнул Никитину и тот, предварительно достав «ствол» и сняв его с предохранителя, резко раскрыл дверь. Картина маслом, как говорится: Володин,

⁸ Указивка – указ в пренебрежительной форме

изо всех сил навалившись на обшарпанный стол, прижимал столом к стене взбесившегося Старина. Тот скалил зубы, сипел и пытался сдвинуть мешающую ему хлипкую преграду в сторону.

– Володин! Что за херня?! – сразу же среагировал Смирнов.

– Да хрен его знает! Старин взбесился! – крикнул сержант, еще сильнее налегая на стол. Бывший сержант милиции Старин, бледный с темными кругами под поблекшими страшными глазами, ощерился в зверином оскале и начал тянуть руки в сторону вошедших.

– Так, сержант, на счет «три» ты отпрыгиваешь в сторону. Усек?

– Усек, тащ полковник! – прохрипел Володин, упираясь в отставленную назад левую ногу в тяжелом берце. Несмотря на полиуретановую подошву, нога соскальзывала, и поэтому Вовке приходилось все время ее подтягивать, чтобы удерживать стол.

– Так, Никитин, а ты, как только Старин попрет на нас – лупишь по конечностям.

– Есть!

– Сержант, собери булки... Раз-два-три!

Дальнейшие действия происходили одновременно – полковник рывкнул свое «три», Володин перестал удерживать стол и отпрыгнул в сторону, а Старин одним сильным толчком перевернул разделяющую его и Володина преграду и попер прямо на него. Виктор выстрелил в правую ногу взбесившегося сержанта. Естественно, никакой реакции не последовало.

– Он что, терминатор? – послышался чей-то голос.

А Олег все приближался, не смотря на простреленную ногу. Виктор разнервничался и послал вперед еще три пули – одну в коленную чашечку, две другие в грудь сержанта. Первый выстрел раздробил сустав, и сержант, потеряв равновесие, свалился на землю. Существо, бывшее когда-то Олегом Стариным, предприняло попытку подняться, но разможенное колено не давало ему это сделать, поэтому он с тихим скулежом пополз в сторону ошалевших людей. Казалось, простреленное колено и две дырки в корпусе были для него сущим пустяком – выражение безумного лица не изменилось ни на йоту. Только само лицо изменилось – осунулось что ли и налилось мертвенной бледностью....

– Капитан, е...аш в бОшку!

Виктор послушался, и одним выстрелом упокоил восставшего из мертвых сержанта навсегда.

– Вы только что видели этого самого «зомби».

– Твою мать! Что это было?! – трясся от страха Володин, все еще боязливо косясь на убитого товарища.

Если Виктор и Олег собственными глазами видели изгрызенных, но ходячих мужиков, то Володин только из их рассказов слышал о восставших трупах, поэтому ему было сложно поверить во все это. Хотя, если сказать «по-чесноку», и сам Виктор все еще не до конца воспринимал все происходящее всерьез.

– Похоронить бы надо... Родным сообщить... – пробормотал Виктор, проигнорировав вопрос сержанта-пэпса.

– Ага. И что ты им скажешь? Что их родственник восстал из мертвых и был вторично умерщвлен собственным начальством? – неожиданно для самого себя ехидно поинтересовался полковник. – Так, господа хорошие, нас усиливают ротой СПР⁹ (спец-патрульная рота), то бишь вэвэшниками с Истомина¹⁰, плюс ожидается помощь со стороны вояк и медуз¹¹. А пока отзвонитесь семьям – чтобы носа из квартир не высовывали, пока это на улицах творится... А там, глядишь, правительство наведет порядок.

⁹ СПР – спец-патрульная рота

¹⁰ Истомина – ул. Адмирала Истомина

¹¹ Медузы – военнослужащие-моряки

– А если не наведет? – последовал логичный вопрос.

– Если бы у бабушки был хер, то была б она дедушкой. Ясно? Тогда и будем что-то думать... А пока нужно всеми силами обеспечить порядок на улицах. Только с поправкой на ветер, – полковник кивнул на труп сержанта Старина, а затем, разглядев в толпе физиономию дежурного, поинтересовался. – Битковский, ты всем сообщил о психах?

– Так точно, но более половины не вышли на связь... Я попытался дозвониться до них на мобилы, но результат такой же...

Полковник молча кивнул, нахмурившись, понимая, что сейчас время работало против них. А уж тот факт, что столь драгоценная информация только-только обнаружилась и официально подтвердилась, облегчения не принесла, но дала возможность примерно оценить сложившуюся ситуацию, и, соответственно, обдумать и организовать комплекс мероприятий по противодействию.

У Виктора же как в голове что-то щелкнуло, по спине пополз неприятный холодок. От возникшей в голове мысли задрожали руки, а желудок нервно сжался.

– Товарищ полковник, у меня же жена в роддоме! В больницах же сейчас дурдом должен быть – всех покусанных туда свозят!

– Спокойно, Никитин. Она у тебя в Стрелке¹² или на Комплексе¹³?

– В Стрелке, т.е. в первом¹⁴.

– Туда вряд ли будут везти раненых, но осторожность не помешает. Звони жене! И вы все тоже – предупредите как можно большее число людей. И еще – всем вооружиться по усиленному варианту.

Виктор нервно начал шарить по карманам в поисках мобильного, мысленно проклиная себя, что сразу не позвонил жене, замотавшись со всеми этими психами. А теперь... Не дай Бог! Он же никогда себе этого не простит! Трубка пищала длинными гудками, Виктор был готов сорваться сейчас же и мчаться в роддом и похер на приказы!

Наконец, трубку подняли...

– Алёна?! Лён! У тебя все в порядке?! – взволнованно воскликнул Виктор, едва услышав сонное «да?».

– Витя? Что-то случилось? Что с тобой? – испугалась уже в свою очередь женщина.

У Виктора отлегло от сердца... Если бы что-то было не так, то жена вряд ли бы беззаботно спала.

– Да, все нормально. Слушай сюда. Ты сейчас закроешься в палате, и никому не будешь открывать, кроме меня. Слышишь? Не откроешь, пока не услышишь мой голос. В городе эпидемия – очень много психов. Они бросаются на людей и пытаются их укусить. Укусы смертельны.

– Но...

– Не перебивай! Это не самое страшное... Далее... Слушай внимательно – укушенный через некоторое время умирает и восстает из мертвых. Помнишь фильмы про зомби? Вот такими они становятся. Поэтому, я очень тебя прошу – запишись, забаррикадируйся и никому не открывай. Я скоро буду! Ты меня поняла?

– Хорошо. – Голос у жены был испуганный и дрожал, но Виктор был рад, что она не стала расспрашивать подробности и повела себя благоразумно. – Я поняла тебя. Береги себя. Я буду тебя ждать.

– И еще – обзвони всех, кого можешь, предупреди, чтобы были осторожнее.

¹² Стрелка – бухта Стрелецкая

¹³ Комплекс – больничный комплекс, включающий в себя в том числе и родильный дом №2

¹⁴ Первый – роддом №1 в районе Стрелецкой бухты

Виктор завершил вызов и только теперь с облегчением выдохнул. Но все равно... нужно как можно быстрее вывезти Алёну оттуда.

Капитан зашел в небольшое помещение, служившее оружейной комнатой, где получил укороченный «калаш» и два запасных рожка к нему, расписался в книге учета выдачи боекомплекта.

– Михалыч, мне бы еще магазин к макарову, да маслят¹⁵ побольше, а то потратился практически под читсую.

– Ты бумажки все оформил, грибник? – с хитрецей в глазах усмехнулся седой как лунь прапорщик.

– Михалыч, какие бумажки? Ты знаешь, что в городе творится?

– Да так... слышал. – Михалыч, кряхтя будто старик, сходил к стеллажу, где хранились пистолеты и магазины к ним. – Правда, что ли, что мертвяки оживают?

– Чистейшая, – подтвердил Виктор, протягивая руку к выложенному на стойку магазину.

– Ну и ну... – почесал затылок тот. – Дожились... Интересно, а Ленин в мавзолее как же? Или тоже туда же?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – усмехнулся Виктор, представив поднимающегося Ильича из пуленепробиваемого саркофага (неужели бояться еще одной Фани Каплан, пытающейся повторно пристрелить лысого товарища Крупского?).

– Чё ж творится-то на земле русской? – сокрушался мужик, качая седой головой.

– Послушай, Михалыч...

– Чего? – простодушно спросил дядька, подавшись немного вперед, чтобы ни одно слово не ускользнуло мимо ушей.

¹⁵ Маслята – патроны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.